

The background of the cover is a rich, dark red with swirling, ethereal patterns and sparkling light effects. On the left, a man with dark, wavy hair and a beard is dressed in a dark blue shirt and vest, holding a glass of red wine. On the right, a woman with voluminous, styled red hair is reclining on an ornate, dark red leather chair. She is wearing a vibrant red, strapless gown and a large, ornate necklace. The overall atmosphere is one of elegance and mystery.

Оливия Штерн

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЕДЬМА
с серебряной
меткой

18+

Оливия Штерн

**Ведьма с серебряной
меткой. Книга 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Штерн О.

Ведьма с серебряной меткой. Книга 1 / О. Штерн — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Она совершила преступление и должна понести наказание - стать игрушкой самого страшного человека королевства и быть ею до тех пор, пока он не насладится местью сполна. Но как жить во власти чудовища, если сердце принадлежит другому? Как не потерять себя в сумерках ненависти и боли? А может быть, тот, кого она осмелилась полюбить, и вовсе не достоин этого чувства?

Содержание

Глава 1. Узник замка Энц	6
Глава 2. Быть принцем	19
Глава 3. Верховный инквизитор Рехши	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://shutterstock.com/> по лицензии CC0.

Глава 1. Узник замка Энц

Его привезли на закате, когда чернильные тени стекали вниз, к подножию замка Энц, а багровое солнце тонуло в море. Тетка Джема как раз начала готовить ужин и погнала Дани за водой. Единственным источником пресной воды был колодец посреди замкового двора, и вот оттуда-то Дани и наблюдала за тем, как нового узника почти волоком тащили два дюжих инквизитора, и еще один чеканил шаг следом. В сером свете сумерек взгляд выхватил слипшиеся от крови темно-русые волосы, аккуратную щегольскую бородку, что само по себе казалось неуместным, как будто узник только что вышел от цирюльника. Она не успела разглядеть его лица, да и не важно это было... наверное, не важно. Через несколько минут процессия скрылась из виду, Дани вздохнула, заправила под платок выбившиеся пряди, и подхватила тяжелое ведро.

Раз-два-три-четыре... восемь. Десять.

Десять ступеней, скользких от оседающего осеннего тумана, истертых сотнями и сотнями башмаков. Десять ступеней, чтобы дотащить тяжеленное ведро до кухни. Поворот налево, еще пятнадцать шагов. Толкнуть дверь, вдохнуть запах дыма, пригоревшего жира и мясного бульона. Дани всегда считала шаги. Ведро было большим и тяжелым, а она – тщедушной и слабой. Никчемной, как говорила Джема. Кто б тебя еще подобрал, помойную крысу. Скажи спасибо, что в такое замечательное место тебя взяли.

Дани всегда молчала в ответ и опускала взгляд.

Ну да, прекрасное место. Замок на островке, тюрьма для магов с темным даром. Или для тех, кто оказался неугоден Его Величеству, но кого решили не казнить прилюдно, а спровадить на тот свет без лишней суеты. Все необходимое привозят раз в месяц на лодке. Бежать некуда. И ни одного механоида в округе, на которых темный дар мог бы повлиять, выдернуть из-под власти подчиняющей магии.

...Джема готовила ужин. В тот момент, когда Дани распахнула дверь и заволокла внутрь ведро, Джема крошила капусту, энергично постукивая ножом по толстой доске и смешно вытягивая при этом жилистую шею. Она до жути была похожа на гусыню, такая же нескладная, носатая и злая. Несвежий чепец покрывал седеющую жидкую шевелюру. Рукава серого платья были закатаны по локоть, открывая взгляду худые, перевитые толстыми венами и очень сильные руки – синяки после щипков тетки сходили очень долго.

Дядька Фольм, смотритель замка, сидел тут же, за столом, и ел простоквашу, черпая ее ложкой из треснувшей миски. Он был гораздо толще Джемы, а оттого несколько добрее, но эта его доброта казалась Дани наигранной и лживой. Фольм улыбался, а сам так и норовил то по берду погладить, то к стене прижать, как будто невзначай, и тогда приходилось уворачиваться от его слюнявого рта. Чего нос воротишь, маленькая дурочка? Не обижу, будешь как сыр в масле кататься. Ему и в голову не приходило, что Дани совсем не хотелось быть сыром, и уж совсем не хотелось кататься в масле предлагаемым образом.

– Явилась? – глубоко посаженные глазки Джемы впились в Дани, буравя, почти ощутимо царапая кожу, – небось, Эльвина ждала, потаскуха?

Дани промолчала и опустила глаза.

Эльвин был четвертым – и последним жителем замка Энц. Его приставили выполнять тяжелые работы по хозяйству, он был молод и силен, и время от времени помогал Дани выносить помой и таскать поленья для растопки. У Эльвина голубые глаза искрились весельем, а густая вьющаяся шевелюра цветом напоминала спелую пшеницу. Дани как-то заметила, что тетка Джема в присутствии Эльвина дышала чаще обычного и как будто случайно приспускала сорочку с плеча. Эльвин ничего странного в поведении Джемы не замечал, а вот на Дани тетка

взъелась. Ей постоянно мерещилось, что та заигрывает с молодым и привлекательным мужчиной.

– Что молчишь? Отвечай! – Джема отложила нож и двинулась вперед, угрожающе наклонив голову и еще больше вытягивая шею.

– Я не ждала Эльвина, – пробормотала Дани и попятилась, – простите, ведро тяжелое.

– Никчемная потаскуха, – пробормотала Джема, – только и умеешь, что ноги раздвигать. Когда тебя уже Всеблагий приберет?

– Перестань, – подал голос Фольм, – не о том думаешь. Я ж тебе утром приказ показывал.

Взгляд Джемы отлепился от Дани и неохотно переполз на багровую физиономию благоверного. Пышные усы и брода Фольма были измазаны простоквашей, и Дани едва не хихикнула в кулак, но опомнилась и, воспользовавшись моментом, ускользнула в свой уголок. Присела на край деревянной кровати и стала дышать на замерзшие пальцы. Вода в колодце была студеной.

– А что я должна делать теперь? – сварливо отозвалась Джема, – это дело инквизиции, кого они сюда привозят. Привезли и привезли. Годик посидит в холоде, кровью начнет харкать, а там и Всеблагий приберет...

– Ты не понимаешь, – в голосе Фольма появилось раздражение, – это же принц. Кровный наследник. Случись что с Маттиасом, или с Шедаром, приедут за этим. Кровь не водица.

– Так а я при чем?

– Тьфу, дура! – посуда жалобно звякнула. Это Фольм в сердцах жажнул кулаком по столу. – Жратву ему надо теперь самую лучшую подавать, не просекла еще? А ну как станет следующим королем, после Маттиаса? В петлю захотела?

– Не станет, – буркнула тетка Джема.

– А нам не знать воли Всеблагого, – прошипел Фольм, – так что... мяса больше ему клади. Его, конечно, сюда инквизиция приволокла, значит, делов он наворотил ого-го. Но все-таки это брат нынешнего наследника. Беречь его надо. Топить хорошенько, чтоб не простудился... ну, ежели не будет прямого приказа в подземелье держать.

Дани показалось, что тетка Джема вздохнула. Потом снова раздалось мерное постукивание ножом о доску.

– Я ему жратву носить не буду, – заявила Джема, – он со злонесущим даром. Еще навредит мне.

– Чем это он тебе навредит? – Фольм хмыкнул, – ты ж не механоид.

– Все равно не буду. Пусть вон, эта... носит.

– Да и пусть носит, – согласился Фольм, – а ежели потом в подоле принесет?

– Ты совсем дурак? Кто на нее посмотрит? Она ж как доска...

Молчание.

– Если и принесет, пусть рожает. Утопим ублюдка, да и все.

Дани внезапно ощутила резкий приступ тошноты.

Пальцы сами собой сжались в кулаки, и она едва удержалась, чтобы не соскочить со своего места, не ринуться в кухню и не вцепиться ногтями в бледное лицо тетки. Тва-арь... какая же тварь...

Дани спешно заморгала, чтобы не расплакаться. Плакать можно было только глубокой ночью, когда никто не слышит... Вот тогда – вцепиться зубами в набитый соломой тюфяк, и заходиться в немом вопле, в беззвучном проклятии Всеблагому, за то, что попустил смерть родителей. А сейчас стиснуть зубы, и молчать, делать вид, что ее здесь нет, стать бледной тенью самой себя...

Скрипнула дверь.

– Фольм Эрве? – низкий мужской голос. Не старый, но и не молодой. Как будто очень усталый.

Загрохотал упавший стул.

– Мастер...

– Я зашел вернуть вам ключи, – сказал неизвестный, – а заодно оставить распоряжения насчет заключенного. Поскольку он здесь до конца своих дней, думаю, нет необходимости постоянно держать его в подземелье. Через пару недель можете перевести его в одну из башен.

– Да, мастер!

– Надеюсь, вы осознаете всю степень ответственности.

– Да, мастер!

И столько в голосе Фольма было подобострастия вперемешку с почти животным ужасом, что Дани не выдержала, неслышно поднялась и осторожно выглянула из своего закутка.

Перед обеденным столом стоял инквизитор. Из своего укрытия Дани могла видеть лишь его спину, затянутую в мундир из добротного черного сукна, и такие же черные волосы, выходящие, ниспадающие на плечи.

– Я хочу, чтобы его хорошо кормили, – тем временем процедил инквизитор, – он должен прожить здесь долго... так долго, как сможет. У Его Величества не должно возникнуть вопросов, понятно?

– Да, мастер, – выдохнул дядька Фольм, – не извольте беспокоиться, все будет сделано в лучшем виде.

– Хорошо, – мужчина кивнул.

В этот миг взгляд Дани непроизвольно скользнул вниз. Воздух застрял в горле, захотелось превратиться в тоненькую струйку дыма и выскользнуть прочь. Левая рука инквизитора... ее не было, руки. Из узкого рукава мундира выглядывала механическая кисть, матово блестящая.

Наверное, он почувствовал ее взгляд и резко обернулся. Дани остолбенела. Лицо у него... тоже было совершенно черным и глянцевым. Только неправдоподобно светлые глаза обожгли злым и каким-то загнанным взглядом, так, словно Дани была в чем-то виновата.

Все внутри мгновенно заледенело и резко ухнуло в стильную пропасть.

Крик замер на губах, и Дани, хватая ртом воздух, все смотрела, смотрела и смотрела... В это страшное не-лицо.

Из столбняка ее вывел окрик тетки.

– Дани! Тьфу, дура, вы уж простите ее, мастер. Живет с нами, кормим-поим, да толку нет, и не будет. Дани, кланяйся мастеру, кланяйся!

Кухня качнулась в сторону, и Дани вцепилась леденеющими пальцами в стену.

– Нет, ну вы только посмотрите на нее, – Джема картинно всплеснула руками, – вы уж простите великодушно дурочку, мастер... выгнала бы, да жалко.

«Это маска, – вдруг поняла Дани, и сразу стало легче, – всего лишь маска из черной кожи».

Она спешно опустила взгляд и кое-как сделала книксен.

Кажется, чудовище с механической рукой хмыкнуло.

– Будьте осмотрительны, господин Эрве, – произнес он неторопливо, – мне очень бы не хотелось, чтобы этот маг отсюда сбежал. Вы отвечаете за него головой, понятно?

– У нас даже лодки своей нет, – выпалил Фольм, – а по периметру замка поставлены охранные печати. Сбежать невозможно.

– Я знаю про печати, коль скоро я их и ставил, – голос инквизитора потеплел, – но это не решает все вопросы, Фольм. Если кто-то снимет с него ошейник, то никакие печати не помогут. Будьте осмотрительны. Еще раз подчеркну, отвечаете головой. Это же касается и вас, госпожа Эрве.

Он вышел, аккуратно прикрыв дверь. Дани показалось, что камень с сердца свалился, она судорожно втянула воздух и тут же ойкнула. Щипалась тетка Джема на славу.

– Ну ты и дура, – прошипела она, – и когда тебя Всеблагий приберет-то? Так нас опозорить перед мастером!

– А кто это... был?

– Верховный инквизитор, мастер Аламар Нирс, – пропыхтел Фольм, – все, хорош тряпаться. Ты, Джема, заканчивай с ужином, а ты, Дани, умойся, и патлы свои спрячь, нечего ими трясти. Чепец одень, в конце концов. Понесешь ужин нашему... хм... гостю. И чтоб не смела ему глазки строить, поняла? Он принц, а ты – крыса помойная. Усвоила?

– Да, господин Фольм, – еще один книксен, – я могу идти?

– Катись, – цыкнула Джема, – да помойся, чтобы не воняло. Все ж таки к принцу пойдешь.

Когда-то замок Энц не был тюрьмой. Когда-то здесь жили счастливые люди. Они устраивали приемы, ездили в столицу по тонкой перемышке суши, что соединяла Энц и большой Столичный остров. Потом море поднялось, воды как будто стало больше, и замок оказался отрезанным от всего мира. Некоторое время хозяева еще жили в своем родовом гнезде, а потом сгинули. Куда – никто не знал. Возможно, они просто умерли здесь от старости и были похоронены верными слугами на крошечном кладбище у часовни. Слуги собрались и уехали, и несколько десятилетий замок Энц ветшал, обдуваемый морскими ветрами, утопая в туманах, а летом замирая под раскаленным солнцем. А потом он стал местом, куда король ссылал особенных преступников. Узники не задерживались надолго в Энц: холод, сырость, туманы делали свое дело, и маленькое кладбище у часовни быстро росло.

Все это Эльвин рассказал Дани в один из вечеров, когда с моря накатывает туман, пахнет солью и немного сладостью. Можно просто бродить по кромке воды, смотреть, как темные волны лижут гальку, грызть орешки – у Эльвина нашлась целая пригоршня, и он поделился. Эльвин нравился Дани, хотя бы потому, что никогда не пытался залезть под юбку. Они просто бродили по берегу и болтали. Потом Эльвин ссыпал ей в карман передника остатки орехов, усмехнулся.

– Как ты сюда попала, малышка? У тебя такое милое личико, как будто сошла с портрета в каком-нибудь дворце. Где твои родители?

Дани зябко поежилась. Посмотрела в веселые глаза Эльвина.

– Я едва их помню. Кажется, что-то с ними случилось. В общем, внезапно прибрал их Всеблагий. Меня воспитывала тетка, а потом и она... Еще некоторое время я жила на улице, а потом меня поймали и продали господину Фольму. Он как раз искал прислугу, которая бы не была ведьмой и могла бы выполнять любую работу.

Эльвин хмыкнул, и взгляд сделался серьезным.

– А ты точно не ведьма, а? Откуда такая уверенность?

– Конечно, не ведьма. Была бы ведьмой, устроилась бы куда лучше. Механоидами бы управляла. Или стала целительницей. Я одну такую видела, разодета она была в меха и парчу... И золота столько, что в кошелек не помещается, небось.

Помолчала, раздумывая, не слишком ли жалко выглядит ее безобидная ложь, и спросила:

– А ты, ты-то как сюда попал? Ведь мог бы и получше работу найти. А то бы... и на богатой девице женился. Могу поспорить, что у тебя от них отбою не было.

Эльвин присвистнул.

Потом поднял плоский камешек и ловко пустил его прыгать по темной воде.

– Как раз папаша одной такой девицы меня и разыскивает, – сказал, не глядя в глаза, – видишь, как оно вышло... только здесь и спрятался, да и то не знаю, надолго ли.

И, наверное, чтобы сменить тему разговора, спросил:

– Хочешь, покажу тебе кое-что? Не бойся, здесь недалеко.

– Джема... – поморщилась Дани.

– Эрве туда не ходят, не найдут, – категорично заявил Эльвин, – ну так что, идем, малышка?

– Я не малышка.

– Хорошо, куколка. Дани. Имя какое-то... странное.

– Данивьен.

– Ну во-от. И зовут тебя как благородную барышню. Надо будет узнать все же, кто твои родители. Идем?

– Идем.

И они поспешили в то самое чудесное место, о котором говорил Эльвин, так быстро, как будто каждый из них хотел поскорее скрыться от собственной лжи.

Идти пришлось долго, остров затопило туманом, волокнистым, пропахшим солью и водорослями. Чтобы не потеряться, Дани ухватила за руку Эльвина, его пальцы были сухими и приятно-шершавыми. Эльвин тащил ее сквозь туман, она оскальзывалась на влажных камнях, и они долго шли вдоль замковой стены, туда, где она уже начала осыпаться.

– Дальше придется лезть, – сказал Эльвин, – осилишь?

Она кивнула, подоткнула за пояс длинный подол.

– А куда мы? Далеко еще? – в груди неприятно кольнуло тревогой. Что там у Эльвина на уме? Она и знает-то его от силы пару месяцев, время от времени сталкиваясь во дворе.

– Уже близко, – он протянул руку, – давай же, не пожалеешь.

И потянул за собой, наверх по осыпавшейся кладке, к черной трещине, что змеилась по южной башне.

– Мы прямо туда, что ли? – Дани почти сердилась.

За каким Темным он тащит ее в развалившуюся башню?

– Да ладно тебе, – рассмеялся Эльвин, – потом спасибо скажешь!

И когда, наконец, Дани оказалась внутри, то замерла в восторге.

...Это была купальня. По-прежнему полная воды, чистой и прозрачной, хоть давно никто не следил за состоянием бассейнов. У стены, до самого потолка отделанной белым мрамором, стояла мраморная же скамья, и по обе стороны от нее на высоких подставках светились мягко молочно-белые магкристаллы.

– Эрве сюда не ходят, – гордо заявил Эльвин, – вход в башню обвалился еще до того, как они сюда заявились.

– Ох, – выдохнула Дани, – а светильники? Откуда... это?

Она стояла у провала и не находила в себе сил шагнуть дальше, к бассейну. Все видимое казалось иллюзией, мороком. Казалось, тронь пальцем – и осыплется горсткой праха.

Дани посмотрела на Эльвина. Он улыбался, и отчего-то ей стало страшно. Вот если сейчас... упаси Всеблагий, он задерет ей подол, уже никто не помешает.

Он заметил перемену ее настроения.

– Эй, ты чего?

– Зачем ты меня сюда привел?

– Ну, чтобы у тебя было место, где можно спрятаться от этой долговязой дуры, – Эльвин развел руками, – иных мыслей, клянусь всеми ангелами, у меня не было.

Дани стало стыдно. Она опустила глаза, взгляд скользил по воде, чистой, прозрачной, манящей...

Она молча присела на краю бассейна.

– Теплая... Что это за место, Эльвин?

– Видимо, раньше здесь отдыхали хозяева замка. Видишь, всюду магкристаллы. Да и вода... тут наверняка источник горячий есть. Прежние хозяева знали толк в удовольствиях.

Внезапно он присел рядом с ней и приобнял за плечи. Дани хотела оттолкнуть, но тут же подумала, что при любом неосторожном движении полетит в воду.

– Слушай, Дани... Да ты не шарахайся от меня. У меня... сестра есть младшая, далеко отсюда. Ты чем-то на нее похожа. Только моя Лилиан белокурая, и глаза у нее голубые... странно, правда? Она такая же пугливая и беспомощная, как и ты. Эх, как там она...

На сей раз Дани каким-то внутренним чутьем поняла, что Эльвин говорил правду, и что в самом деле где-то там, далеко, ждет его любящая сестра.

– Спасибо, – пробормотала растеряннo, – теперь... я буду знать, где можно спокойно помыться.

И чуть не добавила:

«Чтобы господин Эрве не подсматривал».

...Дани спешила именно туда. Прижимая к груди чистую сорочку, ежеминутно озираясь, не следит ли Фольм. Впрочем, супруги Эрве остались на кухне и как раз приступили к ужину, так что путь был свободен.

Она осторожно приоткрыла калитку, высунула голову. В молочном тумане рядом шептали волны, ночь подкрадывалась со стороны Восхода. Не заметив ничего подозрительного, Дани подхватила подол и потрусила по хорошо знакомой тропинке, стараясь держаться поближе к замковой стене. Море приближалось, и она сперва услышала голоса, а потом уже увидела, как двое в черном сталкивали на воду лодку. Дани остановилась. Дыхание застряло в горле – а ну как заметят? Внезапный порыв ветра всколыхнул туман, и она увидела еще два смутных силуэта. Первый, скорее всего, принадлежал верховному инквизитору королевства Рехши, а вот второй...

«Не может быть», – подумала Дани.

И даже крепко зажмурилась, потом вновь открыла глаза.

Но нет, ошибки быть не могло: рядом с инквизитором стоял Эльвин, и они о чем-то разговаривали.

Что может быть общего у мастера инквизиции и парня, который прячется в замке Энц от мстительного папаши обиженной дочурки?

Дани стиснула зубы. Ответа на этот вопрос у нее не было, да и не сильно хотелось его узнать. Тетка Джема хотя бы в одном была права: меньше знаешь, крепче спишь.

Она, крадучись, миновала участок стены, где ее могли заметить, нырнула в тень и побежала дальше.

Она – маленький человек. Зачем знать лишнее? Только во вред будет. Ну а если у Эльвина действительно какие-то дела с мастером, то его личное дело.

Но все же было обидно. Получалось, что Эльвин никогда не говорил о себе правды, даже тогда, когда вел себя совершенно искренне и пытался быть другом.

«Вот и верь после этого людям», – Дани фыркнула и полезла по россыпи камней, поминутно оскальзываясь и моля Всеблагого, чтобы ее пируэты не увидел ни дядька Фольм, ни Эльвин, ни тот страшный человек с механической рукой.

Ей везло, просто несказанно везло.

Так никем и не замеченная, Дани проскользнула в разлом, и только там, в светлой купальне, вздохнула с облегчением. Это было единственное место, где она могла чувствовать себя человеком. Не помойной крысой, нет. Просто человеком, у которого жизнь сложилась не так хорошо, как у многих.

Дани прислушалась. Мягкая, обволакивающая, прозрачная тишина царила в этом чудесном месте. Вздыхнув, она размотала косынку. Выющиеся волосы рассыпались по плечам, и Дани усмехнулась. Не просто так Джема заставляет ее прятать их. Тут даже дурочке понятно, что завидует. У нее-то совсем жидкие, кожа просвечивает. А может быть и боится, что Эльвин начнет смотреть на Дани более пристально и с мужским интересом...

Она расшнуровала корсет, весьма потрепанный, стянула через голову верхнее платье, затем сорочку. Аккуратно сложила одежду на мраморную скамью, а потом на цыпочках, ежась от холода, побежала к чаше бассейна. Там было тепло и чисто. Хозяев замка давно уж не было, а купленная магия, замурованные в стены артефакты остались.

Дани с наслаждением доплыла до противоположной стенки бассейна, повернулась, проплыла еще немного. Потом нырнула. Волосы намокли, облепили тело тяжелым плащом. Ойкнув досадливо, Дани выбралась, подхватила забытое мыло и вновь нырнула. Нужно было торопиться, нести ужин принцу. Тетка спохватится, начнет разыскивать по всему замку, а потом еще и трепку задаст.

Пока мылась, в голове, словно сонные мухи, бродили самые разные мысли. О том, например, что она совершенно не помнит маму. Вместо лица – размытое пятно. Только темное бархатное платье помнит, потому что любила утыкаться носом в мягкий подол. О том, что тетка Женестьева поступила с Дани совсем нехорошо: позволила своему сыну проиграть в карты наследство племянницы. Он потом застрелился, а тетку хватил удар. А еще, совсем чуть-чуть, думалось о том, как хорошо бы убраться с острова и из старого замка, отправиться в столицу, ведь она там раньше жила. Да и вообще, можно было бы уехать на любой из островов Рехши. А то сидишь в замке, как в норе, и дожидаясь, пока лопнет терпение у господина Эрве. Тогда Джема вообще со свету сживет.

Дани вылезла из бассейна, быстро вытерлась куском холстины и нырнула в чистую сорочку. Сей предмет одежды был таким старым, что ткань износилась до состояния сеточки и мало что скрывала. За сорочкой последовали верхнее платье и корсет.

Дани взяла осколок старого зеркала, который припрятала здесь раньше, придирчиво осмотрела свое лицо. Когда-то оно очень ей не нравилось: слишком мягкие, округлые черты. Дуги бровей. Округлый подбородок. Большие глаза, темно-карие, в пышных ресницах, а под глазами тени от недосыпания и недоедания. Пухлые губы, совершенно сейчас бескровные.

Когда-то лицо не нравилось, а теперь уже было все равно. Эльвин вот нашел ее хорошенькой. А толку? Никто не захочет связываться с девкой, которую подобрали на столичной помойке, и уж тем более никто не захочет жениться. Так, поиграется и бросит.

Именно из этих соображений Дани сторонилась мужчин. Ей бы самой прожить как-нибудь, без всех этих полыхающих страстей с последствиями.

Под затылком противно кольнуло. Она поморщилась и почесала метку. Так-то жить не мешает, но иногда напоминает о себе. Не нужно было того засранца спасать, сгорел бы и сгорел. А так... он теперь, небось, в столице, а она – в замке Энц, да еще и метка напоминает о том, что хотелось бы забыть.

Когда вернулась на кухню, первым делом заработала подзатыльник.

– Ты где шлялась, блажная? Его высочество помрет от голода, тебя дожидаясь!

«Вот сама бы и отнесла», – вертелось на языке, но Дани промолчала. Все без толку. Протесты, слезы – все пустое, пока она сидит в этой дыре, замке Энц. Впрочем, еще неизвестно, где лучше: здесь есть крыша над головой и еда, а вот в столице... какая судьба ждала бы беспризорницу в столице? Клеймо на пол-лица, работа в дешевом публичном доме и ранняя смерть от какой-нибудь дурной болезни.

– Стой-ка, дай на тебя посмотрю, – жесткие пальцы Джемы впились в плечи, разворачивая к свету. Дани опустила взгляд. Не потому, что боялась, а потому что смотреть на лошадиную физиономию противно было. Вздрогнула, когда тетка провела пальцами по щеке.

– Чем это ты рожу намазала, что она у тебя так и светится? – в голосе тетки дребезжало раздражение.

– Ничем, тетушка, – ответила Дани, так и не поднимая глаз, – всего лишь умылась.

– Умылась она, – пробурчала Джема, – так я и поверила. Ну-ка говори, откуда снадобья для лица взяла? Эльвин дал? Небось уже и ноги перед ним раздвинула, тварь?

– Нет, тетушка. Просто умылась, клянусь Всеблагим.

Джема истово веровала, и потому торопливо осенила себя двумя полукружьями Его знака.

– Ну, ладно. Поверю на этот раз. А у Эльвина все равно спрошу... Ну, что стала, как корова в стойле? Бери поднос, бери ключи и тащи все это в нижнюю галерею. Фольм оставил там светильник, увидишь, что к чему. И смотри у меня! – тут тетка уперла руки в бока, – чтоб и глаз не смела на его высочество поднять! Он хоть и опальный, да принц!

Дани быстро сунула связку ключей в карман передника, подхватила поднос и, уже оказавшись за пределами кухни, вздохнула с облегчением. Тетка Джема... умела испортить настроение, что уж говорить.

Быстро оглядев ужин принца, Дани ухватила кусок хлеба – черствого уже, ноздреватого ржаного хлеба – и тоже сунула в карман. Поди, его высочество и жрать все это не изволит, а она перекусит перед сном. На подносе стояла глубокая миска с кашей, блестящей от жира, и большая кружка разбавленного эля. Присмотревшись, Дани увидела в каше кусок разваренной баранины. Желудок заурчал и свернулся неведомой загогулиной.

Дани сглотнула и решила думать о чем-нибудь важном. Это ей почти удалось, только взгляд невольно раз за разом возвращался к этой проклятой миске.

«Не смотри туда, просто не смотри, – Дани скорым шагом шла по нижней галерее, – подумай лучше о том, за что в эту дыру могли сослать принца. Чем это он таким провинился? Плюнул в суп королю Маттиасу? Или пнул любимую болонку королевы?»

Дани покачала головой. Все это были надуманные, совершенно детские причины для того, чтобы упечь принца крови в замок Энц.

Скорее всего, произошло нечто весьма неприятное, такое, за что не прощают, отсылают с глаз долой, вместо того, чтобы рубить голову. К тому же, как говорила тетка Джема, принц этот – темный маг. То есть человек, которому при рождении Всеблагий зачем-то отщипнул всего дурного, что было в нерасщепленном даре, все темное, что по идее должно уравниваться светом...

И вот теперь она будет носить еду этому темному магу. Как бы чего не сделал с ней...

«Но ведь и ты не так проста, как хочешь казаться, верно? – шепнула совесть, – пока что тебе удается обманывать всех этих людей... А что будет, когда поймут, кто ты есть на самом деле?»

Не хотелось даже думать об этом. Самое безобидное, что тогда ждало бы Дани – исследовательские лаборатории инквизиции.

«Да ладно, кому я могу причинить вред?» – она остановилась перед нужной дверью, тяжелой, побитой ржавчиной.

«Очень даже можешь. Если бы это было не так, не разгуливала бы сейчас с меткой».

Дани достала связку ключей, придерживая поднос коленом, нашла нужный и сунула в замочную скважину. Провернула, вслушиваясь в скрежет замкового механизма. Затем положила ключи в карман и, не давая себе даже возможности испугаться, решительно толкнула дверь.

– Ваше высочество? Я принесла ужин.

Ответом была красноречивая тишина. Передернув плечами и не давая себе даже шанса испугаться и повернуть обратно, Дани шагнула в камеру и огляделась.

Здесь не было темно. Круглый и белесый, словно рыбий глаз, магический кристалл был вплавлен в стену под потолком и заливал каменный мешок тусклым светом. Принц обнаружился сразу: он лежал в углу, на жидком соломенном тюфяке, подтянув к груди колени. Со своего места Дани видела только широкую спину, обтянутую когда-то белой рубашкой, темно-русые волосы, рассыпавшиеся по грязному тюфяку.

– Ваше высочество, – нерешительно позвала она.

Поставила поднос на пол и осторожно двинулась вперед.

Не забывай, Дани, что это маг, причем темный. А что, если он сейчас убьет ее, а сам сбежит?

«Не сбежит, – одернула она себя, – если бы он в самом деле был способен на побег, меня бы сюда не отправили. Послали бы Эльвина... наверное...»

Камера была невелика, Дани быстро достигла своей цели и остановилась над мужчиной.

– Почему вы не отвечаете? – спросила строго, – вы не желаете ужинать? Я ведь не виновата в том, что вас сюда посадили. Я просто служанка.

Мужчина шевельнулся. Медленно, нехотя, повернулся к ней. От пристального взгляда пронзительно-зеленых глаз Дани почему-то бросило в пот. Не просто так Джема отказалась носить ему еду! Темный маг он и есть темный маг... ничего хорошего, в общем.

Но лицо у него было породистым. Благородным. Высокий лоб, темные брови вразлет, прямой нос с хищными, тонко очерченными ноздрями. Щегольские усы и борода. Крепкое тело сильного тридцатилетнего мужчины.

Ворот сорочки был разорван почти до пояса, и Дани увидела гладкую смуглую кожу с редкими темными волосками. Отчего-то бросило в жар. Она отшатнулась и опустила глаза. Принц, как ни крути, был красивым мужчиной, а Дани была уверена в том, что от таких – одни неприятности.

– Ваше высочество, – хрипло прошептала она, – я принесла вам ужин. Извольте поесть.

Он хмыкнул. Затем медленно сел и спрятал лицо в ладонях, массируя виски.

– Служанка, говоришь... как тебя зовут? – спросил глухо.

– Дани, ваше высочество, – она отошла подальше, затем подняла поднос и поставила его уже перед принцем.

– Это... что? – отчаяние в голосе.

– Ваш ужин.

Принц выругался. Затем посмотрел на Дани – и беспочвенный страх ледяным клинком прорзал по позвоночнику. Казалось, принц способен силой взгляда забраться ей в черепную коробку, как следует порыться там, и вынырнуть уже с полным знанием всех секретов маленькой служанки.

– Они решили уморить меня, – пробормотал он, помешав кашу ложкой, – н-да. Не самый лучший день.

Дани, стараясь не встречаться взглядом с магом, сделала неуклюжий книксен.

– Я пойду, ваше высочество. Приду позже, заберу посуду.

Ответ поверг ее в панику.

– Нет-нет, останься... пожалуйста. Побудь со мной... если не трудно.

– Мне не положено, – пробормотала она, – вы принц, а я... простите.

– Да, я принц крови, – с тихой яростью выдавил мужчина, – что бы они не говорили, я принц. Все еще принц, и буду им до смерти. Так что в моей воле выбирать, кому положено, а кому не положено присутствовать рядом. Останься, Дани. Смотритель замка ничего тебе не сделает... если, конечно, он в своем уме.

– Хорошо, – она поняла, что лучше не спорить. Тихонько отошла к стене и молча стала наблюдать, как принц приступает к содержимому миски.

Мелькнула нехотанная мысль, что она тоже могла бы погрызть тот кусок хлеба, что стащила, но Дани вовремя спохватилась. Одно дело, когда она просто стоит рядом, как служанка, и совсем другое, если тоже начнет есть. Тогда получится, что она вроде как разделяет трапезу с принцем. Его высочество может оскорбиться.

Тем временем мужчина со вздохом поковырялся в миске ложкой, затем посмотрел на Дани.

– Знаешь, я не голоден. Я просто не могу сейчас есть... Когда меня схватили, то так наш мастер Аламар так приложил меня своим сдерживающим заклинанием, что я едва жив. До сих пор в ушах колокол звенит.

Говорил он тихо, и Дани видела, что он не сочиняет. Ему действительно плохо.

«Мастер Аламар, значит... Хм».

Длинные, изящные пальцы принца коснулись шеи, и Дани заметила, что на нем ошейник – очень похожий на те, что надевают на собак. С застежкой. Обычный кожаный ремешок, однако, тускло поблескивающий нанесенными символами заклинания. В камере повисло неловкое молчание.

– Вам нужно поесть, ваше высочество, – откашлявшись, промяукала Дани, – если вы не будете есть, то заболеете и умрете.

Он усмехнулся, качнул головой.

– Если я умру, всем от этого станет только легче. Моему отцу, моему брату. Как ты думаешь, зачем они меня сюда отправили? Чтоб сдох побыстрее. Я им как кость в горле был... все эти годы...

Дани помолчала. В душе подняло голову любопытство, но она снова одернула себя. Незачем служанке выслушивать откровения узника, который, к тому же, темный маг.

– Послушай, – вдруг сказал принц, – давай так поступим. Сегодня ты сама съешь мою порцию. Не пропадать же такому добру? А к завтрашнему утру, думаю, уже буду способен принимать пищу.

Дани вскинула подбородок, с недоумением уставившись на узника.

То есть... это как?

Он только что предложил ей... съесть его порцию? Эту замечательную кашу с наваром и куском мяса?

Не верилось.

Наверняка шутит.

Но желудок уже снова скрутило восьмеркой, а кишки заиграли голодный гимн.

– Я не... Могу, – прошептала Дани, – меня тетка Джема убьет.

– А откуда она узнает? – принц поднял атласную бровь, – неужели ты думаешь, что я ей наядбедничаю? Пусть это будет наша с тобой маленькая тайна.

Дани потопталась в нерешительности.

Внутри все пело – давай, давай! Съешь этот отличный ужин, впервые за столько-то дней! Возможно, именно этот кусок мяса поможет тебе протянуть подольше в этой сырой дыре! Возможно, ты не подхватишь завтра лихорадку, и не будешь харкать кровью, как многие, многие узники...

Но рассудок еще противился.

«Он хочет подкупить меня кашей? А если сейчас тетка Джема все увидит? Зачем ему все это?»

– Я не смогу бежать, купив тебя едой, – принц как будто читал ее мысли, – до тех пор, пока на мне этот ошейник, я не могу покинуть замок. А ошейник может снять далеко не каждый...

– Мастер Аламар может? – невольно вырвалось у Дани, и перед глазами всплыл из небытия образ черного человека.

– Может, – устало отозвался принц, – но не станет. Он верный пес короля. И он же поместил меня сюда... Ну так что, Дани? Мне кажется, что от куска мяса твои щеки немного порозовеют. На тебя смотреть страшно, в чем только душа держится.

И в этот миг Дани сдалась.

Осторожно, почти крадучись и не веря в происходящее, подошла к подносу с едой, опустилась рядом с ним на колени. На глаза навернулись слезы, она быстро вытерла их рукавом.

– Если ты стесняешься, то я могу отвернуться, – негромко сказал принц.

– Нет-нет... только вот... простите, если я не сумею есть красиво. Вам может быть неприятно...

– Ешь уже Благого ради.

Дани взяла теплую миску в руки, прикрыла глаза, впитывая тепло и запах пищи. Потом взяла ложку и принялась за еду, стараясь не запихивать в рот больше, чем могла прожевать. Пока ела, постоянно ловила озадаченный взгляд принца. Он временами морщился и потирал ошейник, словно тот причинял боль.

– Как давно ты здесь? – поинтересовался он.

– Два года, – она и не заметила, что уже подчищает миску. Тело наливалось приятным теплом, веки как будто потяжелели. Не хотелось ни шевелиться, ни думать.

– Два года, – эхом повторил мужчина, – и все еще жива. Как думаешь, сколько я здесь протяну? Сколько узников похоронили за то время, пока ты здесь?

– Немного, ваше высочество. Да и редко кого сюда присылают... Раньше, говорят, было больше.

– Да-да, знаю, – он скривился, – тюрьма для очень привилегированных преступников... или магов-менталистов, вроде меня.

И умолк. Дани тем временем собрала из миски последние крошки каши. Нужно было возвращаться на кухню, но от мыслей, что сейчас снова придется выслушивать брань тетки Джеммы, в душе рождался яростный протест. Она глянула осторожно на принца. Тот лежал на тюфяке, закинув руки за голову, и внимательно смотрел на нее.

«Как странно, – подумала она, – и ведь не похож ни на преступника, ни на темного мага. Да что он такого мог сотворить, что его здесь заперли?»

– Тебе пора... Дани. Иди, пока не хватились. А то получишь трепку из-за меня.

Она проворно поднялась.

– Но... может быть, вы хотя бы выпьете вот это?

– Вот это? – принц приподнял бровь, – я не буду это пить, моя милая. Передай смотрителю, что я прошу бумагу, перо и чернила. Мне нужно написать пару строк своему драгоценному папаше. Королю Маттиасу, то есть.

– Хорошо, ваше высочество. – «Он назвал меня... милая?»

Дани подняла поднос и поспешила к двери, но уже на пороге ей пришлось остановиться.

– Дани, – позвал принц, – ты будешь еще приходить ко мне?

– Я буду приносить вам еду, ваше высочество.

– Хорошо, – сказал он, – теперь иди, пожалуйста. А то ведь и в самом деле хватятся. И не забудь о моей просьбе.

– Да, конечно. Бумагу, перо и чернила. Доброй ночи, ваше высочество.

Оказавшись по ту сторону двери, Дани с облегчением выдохнула.

Она совершенно переставала понимать происходящее. Принц не казался ни страшным, ни противным. Вел себя мило и воспитанно, как подобает благородному господину. Обращался с ней, как с человеком, не так, как семейка Эрве. Отдал свой ужин, наконец.

«Может быть, не так уж он и виноват? Может, он ничего и плохого не сделал?»

Дани заторопилась на кухню, и вдруг поймала себя на том, что улыбается.

«Это потому, что я давно так не ужинала», – решила она, спеша наверх.

И невольно ахнула, у самой лестницы налетев на Эльвина, который выступил из полумрака, словно зловещий призрак.

– Ой! Ты меня напугал, – пробормотала она и сделала попытку обойти мужчину.

Но не тут-то было.

Теплые пальцы Эльвина совсем недружелюбно впились в локоть.

– погоди, куколка. Поговорить надо.

Дани похолодела. Это еще что? Зачем? А если вспомнить, что Эльвин о чем-то беседовал с инквизитором, то, выходит, она и доверять-то ему больше не может. Врал он все про обиженную девицу и ее злобного отца. Тут что-то другое, страшное, темное...

Горло внезапно вдавило спазмом, колени предательски подогнулись. На ватных ногах Дани последовала за Эльвином, обратно в галерею.

– Чего ты хочешь? – пролепетала она, кое-как высвобождая локоть и стараясь при этом не разбить содержимое подноса.

Эльвин хмыкнул, стал напротив, сложив руки на груди. Некоторое время пристально разглядывал Дани, склонив голову к плечу, отчего ей стало вовсе не по себе.

– Его высочество поужинал? – наконец поинтересовался мужчина.

– Нет... да... – она совсем смутилась.

– Говори, как есть, Дани. Мне ты можешь сказать правду. Понимаешь?

Чувствуя, как щеки стремительно наливаются жаром, Дани опустила голову.

– Он не захотел это есть. Он... мне предложил...

– А ты такая голодная, что не стала отказываться? – на губах Эльвина появилась странная улыбка.

– Да, голодная, – буркнула Дани, – а то сам не знаешь. Тебе-то тетка лучшие куски подкладывает.

– Я буду с тобой делиться, раз ты есть хочешь, – с сожалением ответил Эльвин, – послушай, куколка... Держи ухо востро с принцем, понимаешь? Он не из тех, кто будет спокойно сидеть и ждать смерти в этой дыре. Он обязательно попытается сбежать. Правда, сейчас на нем ошейник, с наложенным заклинанием сдерживания, но если он как-то ухитрится избавиться от ошейника, его здесь никто не удержит. И, Дани, принц далеко не безобидная овечка, понимаешь? Не дай ему заморочить себе голову...

– Ты так говоришь, словно я могу снять этот ошейник, – пробурчала Дани.

– А я не знаю, кто ты такая, – холодно парировал Эльвин, – на первый взгляд, конечно, ты самая обычная. Но иногда я чувствую, что в тебе есть дар. Слабенький, возможно, но все же есть.

– Если ты чувствуешь мой дар, то сам такой же, а?

– Допустим, – кривая ухмылка, – но это уже не твоего ума дело. Еще раз повторю: не дай принцу заморочить себе голову. Он переступит через твое бездыханное тело и продолжит заниматься тем, чем занимался.

– А... что он вообще такого натворил? За что его сюда привезли?

Эльвин покачал головой, и Дани показалось, что он тяжело вздохнул.

– Об этом тебе бы с удовольствием рассказал мастер Аламар...

– Но он не будет разговаривать с помойной крысой, – резко ответила Дани, – скажи ты мне.

– Восстание механоидов пять лет назад. Судя по собранным доказательствам, его рук дело, – сухо обронил Эльвин, – это все, что я могу тебе сказать.

– Так почему же его только сейчас взяли под стражу? Через пять-то лет?

– Потому что только сейчас все открылось, – Эльвин пожал плечами, – иди, Дани, и помалкивай о нашем разговоре, понимаешь?

– Понимаю, – она опустила голову.

Ощущение, что Эльвин что-то недоговаривает, неприятно тяготило.

В конце концов, он врал ей раньше. Что мешает врать сейчас?

А принц... Принц не выглядел злодеем. Что, если они ошиблись? И он ни в чем не виноват?

– Иди, – приказал Эльвин.

И следа не осталось от веселого парня. Перед Дани стоял взрослый и очень серьезный мужчина.

Дани кивнула и поспешила на кухню. Разговор вышел неприятный, оставил осадок с привкусом протухшей воды. Единственное, что Дани понимала – это то, что она потеряла друга

по имени Эльвин, и от этого осознания было горько. Полынная горечь затопила ее всю, и удовольствие от сытного ужина померкло, утонуло в трясине сомнений.

Глава 2. Быть принцем

Во рту плавал отвратительный привкус тухлого яйца вперемешку с кровью. Глаза словно песком затрусили. Внутренности выплясывали как грешники на углях, периодически сжимаясь от голода в подобие сушеного яблока. При этом от одного взгляда на пищу начинало мутить, и тут уже приходилось думать о том, чтобы не скатиться на пол, и не блевать желчью.

Ксеон закрыл глаза и откинулся на тюфяк, стараясь меньше шевелить головой – каждое резкое движение отдавалось тошнотворной резью где-то внутри, сразу за глазами яблоками.

«Это все ошейник, – подумал он, – это все проклятый ошейник. Оттого, что гасит Дар».

Аламар, дери его Всетемнейший князь, сразу предупредил, что поначалу Дар будет рваться на свободу. Позже привыкнешь, и станет лучше, сказал он. Но сказал с таким выражением лица, что и дураку стало бы ясно: верховный инквизитор очень рассчитывает на то, что каждый день принца Ксеона будет пыткой.

Сукин сын. Отрыжка Всетемнейшего. Да чтоб тебя...

Ксеон застонал сквозь стиснутые зубы.

Одно радовало, инквизитор убрался из замка и не может наблюдать за его мучениями. При этом, правда, в сознание упорно просачивалась мысль о жалости к себе и о несправедливости Всеблагого, наделившего принца даром менталиста.

Несправедливость эту Ксеон собирался исправить в ближайшее время. А пока... настолько плохо ему не было уже давно. В голове, наполненной звенящей болью, плавали никчемные обрывки мыслей и, поблескивая, опускались на дно, в тишь, в глубину. В безвременье.

Ксеон заставил себя открыть глаза. Обморок – это последнее, чего бы хотелось.

Скованный Дар бился в висках, пытаясь пробить брешь в скорлупе чужого заклинания – и все безрезультатно.

Совсем не к месту вспомнилась скорбная мина на лице папаши. Как же так, сын? Как ты мог? Как?!! Возлюбленный сын мой?

В рожу короля Маттиаса хотелось плюнуть, да посмачнее.

Как ты мог, сын? Очень даже мог. И пять лет назад, в качестве эксперимента, и сейчас, и в будущем. Только вот выследили. И вовремя смяли волну, катящуюся по армии механоидов, дающую им собственную волю и тут же ее подчиняющую. Да если бы он успел... давно бы уже отправил и папашку, и нерадивого братика без капли Дара в этот же замок Энц. И никто, никто бы его больше не прятал во дворце от чужих глаз. А то, мол, как же так, король и младший принц – люди, а старший – выродок с темным даром. Папашке надо было быть чуть более осмотрительным. В самом деле, глупо думать, что тридцатилетний принц будет безвылазно сидеть в своем крыле и читать молитвенник. Да и вообще, несправедливо это, объявить дар менталиста темным. А все потому, что папашка боится, до смерти боится, что отнимут у него непобедимую армию...

Спина затекла от лежания на жестком тюфяке. Интересно, король Маттиас в самом деле думает, что его неудавшийся отпрыск вот так запросто смиритесь и будет остаток дней своих гнить в замке Энц?

Ксеон, стараясь не делать лишних движений головой, повернулся набок.

Выбираться отсюда надо, это несомненно. Куда-нибудь в Ависию, откуда нет выдачи в островное королевство Рехши. Он уже бывал там раньше, а потому переместиться туда не составило бы сложности, если бы не ошейник.

Мысли походили на мутный кисель, такие же бесформенные, растекались в ничто, едва успев сформироваться.

Выбираться.

Он удержит с этого острова. А потом вернется, обязательно, и вот тогда мало не покажется никому...

Но пока что – думай, Ксеон. Думай о том, кто снимет с тебя ошейник.

Звук проворачиваемого в замке ключа продрал по нервам ржавой железкой. Ксеон осторожно, из-под ресниц покосился в сторону открывающейся двери. Сам не зная почему, ожидал ту служанку, что приносила ужин, да сама же его и съела. Но посетитель оказался мужчиной, высоким, светловолосым и смутно знакомым в тусклом освещении. Сердце трепыхнулось птицей, и Ксеону стоило большого труда не дернуться, ничем себя не выдать. В висках вместе с болью пульсировала мысль – зачем он здесь? Получил приказ убить?.. И что тогда? Кричать? Попытаться сопротивляться? Пфф, да он же слабее котенка в этом треклятом ошейнике!..

А незванный гость приближался. Ступал мягко, словно леопард.

И когда, наконец, удалось его рассмотреть, внутри все скрутилось в тугой узел. Тревога, страх и... радость. Все это вмиг смешалось, вспухло дрожащим жележным шаром и лопнуло, рассыпавшись шелестящими искрами смеха.

Ксеон не видел этого человека пять лет. Пять, мать их, лет. И ровно пять лет он был совершенно уверен в том, что его друг погиб, взорвавшись вместе с великолепным четырехкрылым механоидом.

– Я тоже рад видеть вас, ваше высочество, – тихо сказал Эльвин, останавливаясь в изголовье тюфяка, – вот, принес вам все для письма. Как вы и просили.

– Ты... – выдохнул Ксеон, – подожди! Всеблагий, как же я рад, что... но ты... здесь...

Должно быть, все это выглядело жутко глупо со стороны, но Ксеону было наплевать. Потому как пять лет назад Эльвин Лаверн был его помощником, прикрывал спину, да и вообще, можно сказать, погиб, спасая своего принца...

Впрочем, выходит, жив остался.

– Прости, – сказал Ксеон, – ошейник. Плохо мне. Наверное, поэтому все мозги отшибло. Но я очень рад тебя видеть.

– Я понимаю, – каждое движение Эльвина было выверено, он словно перетекал по воздуху. Все, как и раньше.

Эльвин вздохнул. Выложил прямо на пол чернильницу с крышкой, несколько гусиных перьев и чистые листы бумаги.

– Подожди, – Ксеон перехватил его руку и невольно застонал. Проклятая головная боль и проклятый ошейник. – я пять лет считал, что ты умер. Не хочешь мне рассказать, где был все это время?

– Разумеется, ваше высочество. Но сперва я бы посоветовал не цепляться за мою руку и дать мне налить вам снадобья, которое облегчит откат связанного Дара.

Ксеон усмехнулся и разжал пальцы.

Потом наблюдал, как Эльвин отвинчивает крышку у фляги, наливает туда воды, а в эту воду отсчитывает капли из цветного флакончика.

– Не отравишь? – спросил, принимая из рук друга... друга ли?... зелье.

– Зачем мне вас травить, ваше высочество? – по светлым глазам Эльвина ни Темного не понять. Две серебрястые монеты в полумраке.

– Ну, мало ли. Может, обидел чем.

– Всеблагий с вами, – сухой, совершенно нейтральный тон.

Ксеон, скрипя зубами, приподнялся на локте, понюхал содержимое жестяной крышки. Пахло лимонами и медом. Выдохнув, он залпом проглотил снадобье. Оно пламенеющим клубком прокатилось по пищеводу и расплескалось огнем по стенкам пустого желудка. Потянулось горячими ниточками по всему телу, принося легкость, сминая, выметая прочь ту мучительную боль, что не давала покоя с того момента, как Аламар застегнул на шее ремешок.

Ксеон медленно вдохнул. Выдохнул. И благодарно посмотрел на Эльвина.

– Сам готовил?

Эльвин Лаверн стоял, уперев руки в бока, смотрел на своего принца сверху вниз, и едва заметно улыбался.

– Конечно, сам, ваше высочество. Неужели вы полагаете, что здесь, в замке Энц, есть иные целители? Или что Аламар Нирс решил проявить милосердие, оставив своему личному врагу то, что облегчит его состояние?

– Личному врагу... – эхом повторил Ксеон, – нда...

И уже уверенно сел на тюфяке.

Боль ушла, на ее место пришло неистовое желание что-то делать, предпринимать... Убраться из этой протухшей, мерзкой дыры под названием замок Энц.

Ксеон с силой провел пальцами по лицу. Способность мыслить возвращалась, и это радовало.

– Хорошо, что ты тогда выжил, – сказал он, – правда, я... постоянно вспоминал о тебе.

– Выжить было непросто, ваше высочество.

– Полагаю, тебя взяла наша драгоценная инквизиция?

– Верно, – Эльвин прошелся по камере, – и это не самые лучшие мои воспоминания, если вы понимаете, о чем я.

– Понимаю, – он выразительно ткнул пальцем в ошейник.

– Сперва я отбывал наказание в Эльбаррасе, – глухо сказал Эльвин, – это очень... обидно... осознавать, что днем раньше ты был богат, знатен и перед тобой открывались все двери, а теперь ты – куча дерьма, на которую, не задумываясь, наступает смотритель тюрьмы. Я был лишен всех титулов и званий, магической степени по целительству. Но вел себя примерно, за что его величество помиловал меня и отправил в ссылку. В замок Энц.

– Меня во всем винишь? – прямо поинтересовался Ксеон.

– Да вы-то тут при чем? – и снова ничего не прочесть в глазах, – вы ж меня к себе цепями не приковывали, я сам пошел. Потому что считал, что наделять механоидов подобием жизни, отбирая при этом свободу, противно закону Всеблагого.

– А сейчас как полагаешь?

Эльвин остановился напротив светильников. Ксеон только и мог, что пялиться в его широкую спину. Предпочел бы смотреть прямо в глаза, чтобы понять наконец, друг или враг перед ним, но – не в том был положении, чтоб приказывать.

– Мои взгляды не изменились с тех пор, – ответил Эльвин, помолчав.

– Это хорошо, – сказал Ксеон, – потому что мои тоже остались прежними.

Эльвин резко крутнулся на каблуках, бросил раздраженно:

– Но это не значит, ваше высочество, что я кинусь снимать с вас ошейник.

– Я и не просил бы. Я ведь знаю, что Аламар постарался сделать так, что любой, кто его расстегнет, получит такой заряд магии контролера, что мало не покажется. Наверняка все здесь уже об этом осведомлены, э?

– Чета Эрве точно в курсе. Наверняка мастер Нирс передал им предписания.

– Хм.

И мысли отчего-то снова вернулись к служанке.

Вряд ли ей кто-то счел нужным что-либо объяснять.

И точно так же вряд ли она бросится расстегивать кожаный ремешок, испещренный символами заклинания...

Но выход всегда есть. И с этим он тоже что-нибудь придумает.

Внезапно повеселев, Ксеон поднялся на ноги, похрустел позвонками, потягиваясь. Ему на миг померещилось, что лицо Эльвина исказилось ненавистью, но потом понял, что игра теней. На благородной, весьма породистой физиономии Эльвина была написана преданность идее. Это было хорошо. Нет. Это было прекрасно! Как здорово, что есть те люди, которые верят

в то, что принц Ксеон желает следовать законам Всеблагого и избавить несчастных механоидов от горькой участи! Этаким герой, борющийся за свободу несчастных угнетенных созданий.

Ксеон прошелся по камере, остановился напротив Эльвина и искренне сказал:

– Мне жаль, что с тобой так все вышло. Правда, жаль. Но мы все рисковали. Видишь, и я теперь здесь. Но ты хотя бы свободно перемещаешься по острову, а я...

Эльвин ухмыльнулся.

– Мастер Аламар оставил предписания на ваш счет. Очень скоро вам будет позволено выходить на прогулку. И – повторюсь – я вас ни в чем не виню. У меня ведь тоже есть голова на плечах.

«Кочан капусты у тебя на плечах, а не голова», – подумал Ксеон, а вслух... В общем, ничего не сказал, сдержанно улыбнувшись и похлопав товарища по плечу.

– Не знаю, что бы делал без твоей настойки, – откровенно признался Ксеон. Потер ладони, – ну что ж, надо написать письмо драгоценному папаше.

Эльвин понимающе кивнул.

– Пишите, ваше высочество. Завтра утром отправим.

И, кивнув на прощание, двинулся к выходу.

– Эй, – уже на пороге окликнул его Ксеон, – но ты же ведь не думаешь, что мой дар – темный?

Эльвин замер, занеся ногу над порогом. Потом медленно обернулся.

– Темным объявляется дар, неугодный нынешнему правителю, – сказал он веско, – сегодня темный дар – менталиста, а завтра – целителя.

– Я рад, что хотя бы ты это понимаешь, – ответил Ксеон.

Он снова уселся на свое вонючее, вызывающее отвращение ложе, подвинул к себе листы бумаги, отвинтил крышку чернильницы. Начал выводить витиеватые, каллиграфически-правильные буквы:

«Дорогой отец! Полнится скорбью мое сердце, ибо отвернулись от меня и Всеблагий, и ваше королевское величество».

Получилось довольно проникновенно. Ксеон задумался, почесал пером щеку. Она начала зарастать щетиной, было неприятно.

Он написал еще несколько строк о том, как сожалеет о своем темном даре и о том, что не сдох при рождении, чем сразу бы освободил возлюбленного своего отца от хлопот и многих печалей. Потом добавил пару слов о невыносимых условиях проживания в замке, которые, впрочем, он будет стойко переносить, дабы король Маттиас был спокоен. И попросил кофе, шоколада, копченостей... В общем, всего того, что скрасит дни всеми отвергнутого, одинокого узника.

«Любящий сын, отмеченный проклятьем».

И поставил размашистую подпись.

Ксеон задумался. Мысли совершенно произвольно раз за разом возвращались к маленькой служанке. Она была прехорошенькой плебейкой, наверняка недалекого ума. Глаза как у белочки, большие, темные, блестящие. Оставалось сделать так, чтобы она сняла с него ошейник. Сама. Всего-то делов, расстегнуть пряжку...

Вспомнил, как Аламар настаивал на цельнометаллическом ошейнике, но отец не позволил, пожалел сына. Так что повезло, даже ножовка не нужна, чтобы освободиться. Слабые женские ручки вполне сойдут...

Ксеон подумал о том, что поделится своим планом с Эльвином, а когда освободится, заберет старого товарища в Ависию, но вовремя спохватился.

Нет, определенно, ошейник Аламара дурно влиял на мыслительные способности.

В конце концов, он не видел Эльвина пять лет.

К тому же Эльвин пострадал, в общем-то, из-за него. На самом деле, конечно, из-за собственной глупости, но ведь ни один дурак себя таковым не считает, а в своих бедах винит кого-то еще.

В общем, все было мутно и непонятно с Эльвином. Что там у него в голове на самом деле? Кто знает?

В камере не было окон, и поэтому о наступлении утра Ксеон узнал по скрежету отпираемого замка.

– Эльвин?

Резко сел. В голове снова дернуло болью, но тут же отпустило.

– Нет, ваше высочество. Это я, Дани. Простите, госпожа Эрве заставила Эльвина помогать разделявать свинью.

В душе горькой пенкой поднялось разочарование. Только собрался поболтать с приятелем, а тут... но живо вспомнил о том, что, возможно, перед ним единственная обитательница замка Энц, которой Аламар не зачитал лекцию об опасности ошейника. О том, что каждый, кто попытается его снять, отбросит копыта.

– Доброе утро, Дани, – торопливо пригладил растрепавшиеся волосы, – неподобающий, конечно, вид, чтобы беседовать с дамой. Но ничего не поделаешь.

– Ну что вы, ваше высочество, – улыбнулась несмело, а глаза боится от пола оторвать, – какая же я дама... дамы во дворце.

Пугливая белочка.

Что ж, для пошива шубы требуется много прекрасных шкурок, и с этим ничего не поделаешь.

Ксеон поднялся, шагнул вперед и взял поднос из задрожавших вмиг рук. Он невольно поморщился оттого, что пальцы были в золе, и ногти обломаны. Неприятно, что она вот этими грязными руками еду носит.

– Проходи, будь любезна, – он быстро взял себя в руки, – ты можешь посидеть со мной немного? Пока я поем? А то, знаешь ли, в такой тишине и умом подвинуться можно.

Девушка потупилась, но прошла и остановилась в нерешительности. Ксеон тем временем уселся на тюфяк, поставил поднос на пол перед собой и похлопал ладонью рядом.

– Садись, в ногах правды нет.

Она побледнела. Потом очень трогательно покраснела и замотала головой, едва не сбив плотную, в несколько слоев намотанную косынку.

– Нет, нет... я не могу... ваше высочество, вы же принц.

– Ну и что? – он приподнял бровь, – да и какой я принц? Изгнанник. Узник замка Энц. Тут его осенило, и Ксеон задал вопрос:

– Скажи, ты не хочешь садиться рядом, потому что я темный маг?

– Н-не... не знаю...

Наверное, тут было намешано все: и то, что принц, и то, что темный маг, и то, что просто молодой и малознакомый мужчина. Но ситуацию надо было как-то переломить, и Ксеон выбрал тактику, которая помогала почти во всех случаях. Он искренне верил в то, что все женщины любопытны в той или иной мере.

– А что ты знаешь о темных магах, Дани? – миролюбиво спросил он.

Выдержал паузу, ковырнул ложкой кашу, попробовал.

Не пища с королевского стола, но и не тошнотворна гадость, как вчера.

Хотя, скорее всего, вечером он просто не мог есть из-за головной боли.

– Ничего, ваше высочество, – Дани пожала плечами.

– Садись, я с удовольствием тебе расскажу.

Он взял кусок хлеба, разломил его пополам, потом выудил из каши кусок мяса, положил его поверх и протянул девушке.

– Давай, садись. Я не кусаюсь, в самом деле.

На миг в больших карих глазах мелькнуло сомнение. Потом Дани быстро подошла к полуоткрытой двери и неслышно прикрыла ее. Вернулась и аккуратно уселась на край тюфяка, стараясь держаться подальше от Ксеона.

Он мысленно поздравил себя с маленькой победой, вручил белочке заслуженные хлеб с мясом и спокойно принялся за кашу.

Через некоторое время она подала голос.

– Ваше высочество, а как же... про темных магов?

– С превеликим удовольствием, милая. Но прежде чем я расскажу о темных магах, позволь спросить: тебе известно, кто такие айхи?

Дани снова покраснела.

– Я только знаю, что тетка постоянно поминала их в вечерних молитвах. Просила Всеблагое огордить нас от них.

– Да, образование тебе не удосужились дать, – Ксеон удрученно покачал головой, – ну что ж, тогда слушай. Мы все знаем, что силами добра и зла под этими небесами управляют Всеблагий и Темный князь, так? Ну так вот. Населяя земли, Всеблагий создал магов и людей, наделив при этом магов властью изменять сущее. Как угодно изменять. Зажигать небесные огни, возводить стены льда, осушать моря... В общем, все, что угодно. И племя изначальных магов называли себя айхи, что значит «подобные». Как ты понимаешь, подобные Всеблагому и Темному князю. Последние были братьями-близнецами, и, невзирая на... гхм... разницу в мировоззрении, не пришли в восторг от того, что не-боги пытаются уподобиться богам и стать всемогущими. И тогда они расщепили Дар. Айхи стали рождаться ущербными. Один мог только лечить, другой только возжигать огонь, третий... ну, не важно. В общем, с некоторых пор Дар магии расщеплен. Очень давно не рождалось магов с полным Даром. Ну а когда айхи смешались с людьми, так и вообще...

– Интересно, – заворуженно прошептала девушка, – спасибо, это было очень интересно. Мне никто никогда такого не рассказывал.

– Да я так думаю, с тобой вообще мало кто разговаривает, м?

– А что такое мировоззрение?

– Это то, как ты в целом относишься к происходящим в мире событиям, – терпеливо объяснил Ксеон и продолжил, – ну так вот. Касательно темного дара... Тут, Дани, все сложно. Во время правления моего пра-прадеда темным даром считалась способность призывать дожди, потому что королевство Рехши и без того походило на болото. Во времена правления моего деда ситуация изменилась, наступила засуха. Темным был объявлен дар пиромантии, из-за высокого риска устроить пожар. Понимаешь, к чему веду?

– А сейчас темным объявлен дар менталиста, – глухо произнесла Дани, – потому что... я слыхала, что непобедимая армия короля Маттиаса состоит из механоидов.

– Умница, – искренне похвалил Ксеон, – то есть, будь у моего отца армия из обычных людей, мой дар не был бы признан темным. И инквизиция бы не занималась отловом других менталистов, запечатывая их дар.

Ему показалось, что Дани зябко передернулась, как будто вспомнила что-то очень нехорошее.

– Так что глупо бояться мага, которого объявили темным, Дани, – заключил Ксеон.

– А тетка Джема вас боится. Думает, вы с ней что-нибудь плохое сделаете, – хмыкнула девушка.

– Плохое, милая, может сделать просто плохой человек. Как, например, мастер Аламар. Но отнюдь не темный маг.

Она вскинула глаза. Смотрела заворуженно, о чем-то задумавшись.

– А почему... мастер Аламар плохой человек?

Ксеон пожал плечами.

– Ему нравится мучить других людей. Меня, например. Он сделал все, чтобы я тут валялся, выл от боли и молил Всеблагого о смерти.

– Но... он же не просто так...

– Ты милая наивная девушка, – Ксеон мягко улыбнулся, – ты даже не представляешь себе, сколько на свете людей, которым просто нравится мучить других.

– Мне он тоже не понравился, – призналась Дани, все еще не отводя взгляда, – от него... в дрожь бросает.

– Ну вот мы и пришли к выводу, что какую-нибудь гадость следует скорее ждать от верховного инквизитора Рехши, чем от несчастного принца, которого упекли в замок Энц только потому, что он менталист!

Он внимательно посмотрел на Дани, потом медленно поднял руку, коснулся костяшками пальцев ее щеки. Ощущение шелка. Теплого, мягкого. Пахнущего персиками.

«Сладкая куколка, – мелькнула мысль, – интересно, у нее есть жених? А, впрочем, какая разница. Белочка она и есть белочка».

Дани дернулась, внезапно отстраняясь.

– Ваше высочество, – прошептала хрипло, – не нужно. Не надо со мной так играть. Не надо.

И, вскочив, быстро подняла опустевший поднос и ушла.

Ксеон с улыбкой улегся, закинул руки за голову.

Кажется, первая партия осталась за ним.

Эльвин появился чуть позже, аккуратно в те минуты, когда Ксеон устроил себе разминку и, напряженно сопя, в который раз отжимался от холодных каменных плит.

– А, заходи, – тяжело дыша, стал на четвереньки и медленно поднялся, отряхивая ладони, – письмо готово. Я бы его и Дани передал, но она пугливая, как горная козочка. Сбежала.

От Ксеона не укрылось, что светлые брови Эльвина сошлись на переносице, и взгляд сделался колючим, словно битые стекляшки.

– Оставьте Дани в покое, ваше высочество.

– Почему? – невинно поинтересовался Ксеон, – графа Лаверн потянуло на худосочных плебеек?

Наклонившись, он подобрал свернутое в трубочку письмо и протянул Эльвину.

Тот взял бумагу с таким выражением, словно там по меньшей мере была завернута гадюка. Качнул головой.

– Графа Лаверн ни на кого не потянуло, ваше высочество. Дани – бедная сирота, ее некому защитить.

– Так я с ней ничего плохого не делаю. – Ксеон продолжал пристально следить за выражением лица преданного соратника и не совсем понимал, что происходит. Эльвин влюбился в девку? Или периодически укладывает ее в койку? Или имеет еще какие-то виды? Но, вроде бы, в ней ни капли магии. На первый взгляд...

– Вы морочите ей голову, – обвиняюще сверкнув глазами, проронил Эльвин.

– Наоборот, я ей вправляю мозги на место, объясняя истинный порядок вещей под этими небесами и в пределах королевства Рехши. Ты же не сподобился рассказать ей, кто такие айхи, и почему вероятность рождения мага с полным даром практически равна нулю.

– Ей не нужно это знать, – хмуро ответил Эльвин. Он вертел в руках письмо, словно оно жгло пальцы, и было видно, что уже и не рад тому, что начал этот разговор.

– То есть прямое предназначение Дани – кухня, тряпка и койка? – Ксеон усмехнулся, – брось, дружище. Что я, съем ее? Ну, разве что ты сам имеешь виды на девчонку... Тогда не буду мешать.

– Вы ведь знаете, что именно я имел в виду под словами «морочить голову», – пробормотал Эльвин, – впрочем, вы принц. Вам виднее.

А потом внезапно добавил:

– Пока я сегодня рубил свиную тушу, из Мирата пришли новости, которые вам наверняка будут интересны. Вчера мастер Нирс собственноручно сжег герцогиню Циниат.

Вот это был подлый, предательский удар. Ксеон даже задохнулся на миг, дыхание скрипучим ершиком застряло в горле.

– Твою мать... – и растерянно обхватил себя руками за плечи. Отчего-то холод камеры стал ощущаться по-иному. Резко, остро, неумолимо.

Ксеон прошелся от стенки до стенки, пытаясь успокоиться.

Лия Циниат не была ни возлюбленной, ни любовницей.

Но она была миловидной тридцатилетней женщиной, при муже и детях.

И тогда, пять лет назад, отозвалась на просьбу Ксеона помочь в одном интересном деле.

Лия Циниат была очень сильным конструктором, могла построить механоида любой сложности, но при этом еще и менталистом, разумеется, скрытым.

И, судя по тому, что произошло прошлой ночью, Аламар докопался, нашел магические отпечатки ее работы в событии пятилетней давности.

И наказал. Убил.

– Он что, совсем съехал с катушек? – Ксеон и сам поразился тому, как сипло и безжизненно прозвучал голос, – он убил не просто герцогиню Циниат. Он походя разделался с женщиной, принадлежащей весьма могущественному роду. И что сказал на это мой дражайший папашка?

Эльвин передернул плечами.

– Да не знаю я, ваше высочество... Это так, новости.

Ксеон вздернул подбородок.

– Мне надо отсюда выбираться, Эльвин.

– Я не полезу к вашему ошейнику, ваше высочество. Уж извините. Не хочется стать обугленной головешкой.

– Понимаю, – процедил Ксеон, – как считаешь, что лучше, здравомыслящий человек на троне или сбрендивший вконец инквизитор, внезапно возомнивший себя богом?

Эльвин скупо улыбнулся.

– Первое, конечно, лучше, чем второе. Но, повторюсь, я понятия не имею, как вам помочь. Попробуйте написать еще одно слезное письмо отцу. Возможно, он согласится смягчить условия вашего здесь пребывания. А, возможно, простит, вернет во дворец.

– Я подумаю, – Ксеон опустил голову, рассматривая грязный пол, – пожалуйста, позаботься о том, чтобы мое нынешнее письмо было отправлено. Я так понимаю, Эрве это сделают через артефакт-посыльного?

– Через почтовый портал. Здесь, на острове, нет ни одного механоида, ваше высочество.

– И очень жаль, что нет, – пробормотал Ксеон.

Потом заскрипели дверные петли, гроыхнула дверь, проскрежетал замок – и он остался один.

Ударил кулаком в стену и слепо уставился на свезенные до крови костяшки.

Аламар, Аламар...

«Если ты попадешься мне в руки, инквизитор хренов, я тебе устрою такую жизнь, что ты каждую минуту будешь молить о смерти. А потом, когда я получу достаточно удовольствия от твоих конвульсий, сварю заживо».

Из-за гибели Циниат грызла досада и какая-то детская обида.

Циниат могла бы создать для него лично непревзойденных воинов, каких еще не знал свет. Талантливая была женщина, но... неосторожная, раз наследила так, что даже через пять лет ее нашли. Нда. Без нее будет сложнее, в разы.

Однако, Ксеон знал, что незаменимых людей не бывает.

Побродив еще немного по своей клетке, он улегся на тюфяк и задумался.

Из замка Энц надо было убираться, и как можно скорее. Пока остались еще в живых те, до кого не успел добраться мастер Аламар.

И каждый следующий день он упорно шел к своей цели.

Он лежал на своем тюремном ложе и страдал.

Он почти не прикасался к еде, что приносила белочка Дани, но при этом щедро угощал ее теми деликатесами, что прислали из дворца.

Наблюдая за детской радостью на лице девушки, Ксеон даже не мог понять, как кусок обычного шоколада или печеное яблоко с карамелью и орехами могут вызвать такой восторг. Возможно, в иной ситуации он даже проникся бы к Дани жалостью, но нынешнее положение вещей не позволяло развозить розовые сопли. К сожалению, кем-то всегда приходилось жертвовать.

В какой-то момент он даже взял ее за руку, и она не оттолкнула. В ее больших карих глазах билось, пульсировало нечто теплое, доброе, ласковое.

«Жалеет меня, – подумал Ксеон, – уже недурственно».

И продолжал изображать немыслимые страдания, пересыпая этот дивный коктейль рассказами о том, как его ненавидит и мучает проклятый инквизитор, как через ошейник причиняет ему едва переносимую боль.

Дани слушала и смотрела по-детски, широко распахнутыми глазами, в которых нет-нет, да блестели слезы.

А потом он ее поцеловал. Легонько, почти как сестру. В щеку. И спросил:

– Ты будешь меня вспоминать, когда я умру?

– Почему вы говорите о смерти? – хриплым шепотом спросила Дани.

– Этот ошейник рано или поздно меня задушит.

– Но... – огромные глаза вновь наполнились слезами, – я... я не дам вам умереть, ваше высочество.

– Моя милая Дани, – прошептал он голосом человека, который вот-вот отправится на небеса, – я так благодарен тебе за то, что ты есть. По крайней мере я точно знаю, что ты скрасишь мои последние минуты. Ты ведь... побудешь рядом со мной, пока я буду умирать? Скоро уже все случится, я знаю.

Она затрясла головой, зарыдала и убежала.

На следующее утро Ксеон мысленно прикидывал, куда именно перенесется в Ависии. Были места, которые он очень хорошо запомнил еще в детстве, и именно туда можно было направить свой дар телепортера. В памяти остались розовые пуфики, тошнотворно-розовые занавески на окнах и резная спинка кровати, вся в сказочных единорогах и грифонах. А еще – тихое, детское ощущение полного счастья. Тогда еще не знали, что у него Дар. Тогда еще его отправляли с посольством, чтобы познакомить с невестой. В конце концов, Ависия – большое государство, а Рехши – маленькое островное королевство, пусть и с армией механоидов.

Да, вот туда было бы недурственно вернуться... Он точно знал, что там его примут, но при этом еще хотел убедиться в том, что не бывает неизменных вещей. Вряд ли там по-прежнему остались розовые пуфики.

Когда пришла Дани, Ксеон лежал, подкатив глаза, и дышал хрипло-хрипло, как будто на последней стадии грудной болезни. Он почувствовал движение воздуха, девушка метнулась к нему, схватила за руки, которые он долго прижимал к камням, чтобы сделать холодными.

– Ваше высочество, – растерянно пролепетала Дани, – ваше... Ксеон! Нет, пожалуйста, не надо.

Он приоткрыл глаза и печально улыбнулся.

– Я умираю, милая. Он выпил меня окончательно...

– Надо отправить послание вашему батюшке, – всхлипнула Дани, и ее бледное личико вдруг осветилось совершенно неземным, прямо-таки жертвенным светом.

– Его... вполне устроит... если я умру... не надо.

Из-под опущенных ресниц Ксеон увидел, как Дани стоит над ним на коленях, судорожно сжимая и разжимая кулачки. Из-под намотанной цветастой косынки выбился непослушный локон, темно-каштановый, волнистый.

Он протянул руку, легко прикоснулся пальцами к этому локону. На коже осталось ощущение хрупких крыльев бабочки.

– Дани, – выдохнул хрипло.

А потом закрыл глаза и обмяк.

Тишина.

«Ну, давай же, давай, не подведи меня, девочка. Столько старался ведь».

Едва ощутимое дыхание на щеке.

– Ксеон, – позвала она.

Прикосновение худых пальчиков. Погладила по щеке.

– Ксеон! – всхлип.

Он захрипел, давая понять, что еще жив. Схватился за ошейник в попытке оттянуть от шеи. Руки обожгло, прострелило болью до позвоночника.

– Помоги... не могу... больше...

– Да, да... только, пожалуйста, дыши. Не умирай. Не умирай!

Ксеон ощутил неуверенные прикосновения трясущихся пальцев к пряжке. Кажется, Дани охнула.

– Не умирай, – шепнула в лицо, щекоча теплым дыханием, – я тебя люблю.

А потом, дернув, разомкнула застежку.

Скованный Дар рванулся сразу во все стороны, распахивая крылья.

Один миг – и Ксеон уже неся, разрывая слои пространства, в то убежище, куда и планировал отправиться. Ведь из Ависии нет выдачи. Нет!

Глаза он не счел нужным открывать.

Зачем смотреть на то, что осталось от милой белочки?

Глава 3. Верховный инквизитор Рехши

В закрытой ведомственной карете было темно, как в могиле, и так же душно. Сидя в углу кожаного дивана, Аламар откинулся на мягкую спинку, вытянул вперед ноги. Можно было подремать полчаса, пока карета выписывала сложные пируэты, с трудом протискиваясь сквозь узкие улочки старого города. Но, понятное дело, не спалось.

Он слепо таращился в глухую темень. Там, где запахнутые шторы плохо прилегали к дверце, темноту прошила тонкая сизая полоска. Королевство Рехши встречало рассвет, а верховный инквизитор возвращался домой со службы.

Аламар пробовал думать о том, что сейчас он войдет с парадного в свой великолепный особняк, и его будет встречать старая Нями. Потом он переоденется, снимет, наконец, маску, и будет завтракать в очень просторной и пустой столовой. Мысли рассыпались пеплом, оседая на душе вязкой смоляной горечью. Он хотел представить себе Нями, благообразную, в накрахмаленном чепце, а перед глазами было совсем другое лицо, перекошенное, почти безумное. Днем раньше Лия Циниат щеголяла туалетами и прическами, и всего лишь одной ночи хватило, чтобы превратить самовлюбленную гордячку в мычащее, ползающее по полу существо.

Надо отдать должное, у нее хватило ума сразу во всем сознаться. В том, что готовила для принца Ксеона особых механоидов с повышенной защитой корпуса. Зачем? Ну, он попросил об одолжении. Знала ли она? Догадывалась, но напрямую ни о чем сказано не было. Чисто-сердечным признанием, запоздавшим на пять лет, герцогиня надеялась купить себе жизнь. И завывала, заревела в низкие потолочные своды, когда услышала приговор. Лишение жизни через сожжение за государственную измену. Она ползла по полу, цепляясь за штанину, и все выла, выла... Помогите мне, Аламар. У меня дети сиротами останутся. Помогите... Он едва не увяз в этой мольбе, но вовремя опомнился. Сунул под нос герцогине миниатюру, которую всегда носил в медальоне.

– Твои дети будут ходить по земле. А где мои дети? Вот, они, где сейчас? И в этом есть твоя вина, Лия.

Она разжала пальцы и внезапно умолкла. А он пошел дальше, заполнить все необходимые для казни протоколы.

– Будь ты проклят! – хриплый вопль привычно царапнул слух, – проклят!

Он рассмеялся. Проклят. Нашла чем пугать...

...Карета остановилась. Аламар дождался, пока возница otvorит дверцу кареты, и вышел, шурясь на серый свет зимнего утра. На ближайшем дереве надсадно каркала ворона. В лужах таял лед. С затянутого низкими тучами неба сыпалась снежная труха.

– Свободен. Заедешь за мной после полудня, во дворец нужно будет, – процедил Аламар, даже не глядя в сторону парнишки в сером мундире.

Тот кивнул, заторопился, и через несколько мгновений карета тронулась с места и покатилась обратно, к ведомству.

Аламар дошел до боковой калитки, временами оскальзываясь на обледенелой мостовой, снял с правой руки перчатку и приложил ладонь к блюдечку охранного артефакта. Замок щелкнул, и калитка гостеприимно распахнулась.

Дальше, огибая по кругу клумбу, из которой торчали черные и давно уж перемерзшие колючие стебли роз, бежала узкая дорожка, кое-как присыпанная гравием. Примерно на пол пути к дому она ныряла под разросшиеся липы, затем примыкала к широкой дороге, которая вела к дому от больших ворот. Аламар, все еще стоя у калитки, окинул взглядом особняк. Огромный, сложенный из темного кирпича, с черепичной крышей и башенками по углам, этот дом мог бы стать родовым гнездом для многих, очень многих из семейства Нирс. Но не сло-

жилося. Взгляд зацепился за черное пятно гари, покрывшее все левое крыло. В крайней башне даже стекла до сих пор не вставили, все равно туда никто не ходит и никто там не живет...

Вздыхнул и пошел по дорожке. Ему мерещился запах горелого мяса в сыром зимнем воздухе.

Ему открыла сама Ньями. Высокая, худая и смуглая, Ньями слишком мало походила на коренных жительниц Рехши. Темные миндалевидные глаза, чуть раскосые, только усиливали впечатление. Впрочем, Ньями привез отец Аламара откуда-то с южных островов, когда сам Аламар еще скакал по особняку на маленькой механоидной лошадке. И с того самого дня Ньями была приставлена к Аламару нянькой.

...Потом у Ньями родился сын. Теперь уже Аламар понимал, что, скорее всего, это был сын господина Нирса-старшего. Ньями назвала сына Кио. Он вырос и остался жить в особняке. Уцелел пять лет назад и не ушел, когда Аламар выгонял всю прочую прислугу, швыряясь в них огненными шарами.

– Молодой господин! Где ж это вы пропадали всю ночь? – Ньями всплеснула руками, а он в который раз подумал, что не к лицу ей этот накрахмаленный чепец. Ей бы корону из перьев, вышитую тунику, а в руки – длинный лук. Тогда это была бы грозная Ньями, даже в своем преклонном возрасте. А в долгополом платье и переднике смех да и только.

Он покорно отдал ей плащ, и уже будучи в мундире, прошел сквозь холл к лестнице.

– В столовой все готово к завтраку, господин! – несло в спину.

– Да, Ньями. Сейчас буду. Можешь раскладывать по тарелкам.

Аламар, постукивая по мраморным перилам металлическими пальцами протеза, поднялся к себе. Рванул с лица опостылевшую маску, швырнул ее на кровать. В последнее время он все чаще и чаще задавался вопросом, на кой ему этот костюмированный бал? Ну, увидят все его шрамы, ну и что. Можно подумать, что девка на выданье. Всем наплевать же. И каждый раз вспоминал то, зачем маску надел: она внушала страх. А искореженное, изодранное лицо внушало жалость, которой не хотелось.

Он быстро скинул мундир, переоделся в чистую сорочку и свободные штаны, сунул ступни в домашние туфли и, накинув стеганый халат, завернул в уборную.

Аламар долго плескал в лицо холодной водой. Не покидало ощущение, как будто каждый раз, побывав в пыточных инквизиции, он с ног до головы покрывался горькой слизью. Она лезла в ноздри, в рот, чтобы потом стиснуть шею невидимым обручем, а он каждый раз пытался смыть ее с себя – и не мог. Все равно каталась на языке горечь, и шею перехватывало в спазме.

«К Темному все», – вздохнул он.

Промокнул лицо пушистым полотенцем, мельком глянул на себя в зеркало.

Глубокие рваные борозды перепахали левую половину лица, чудом пощадив глаз. Впрочем, веку тоже досталось, и теперь Аламар взирал на мир с ироничным прищуром. Ничего особенного. Просто шрамы. Внутри все болит сильнее, до сих пор, и не скажешь, что время лечит.

Он кое-как причесался, приглаживая щеткой вьющиеся волосы, и пошел в столовую. Пусть и в своем доме, но опускаться до скотского состояния не хотелось.

Внизу, в столовой, его ждала верная Ньями с поварешкой наперевес. Кио в старой ливрее дворецкого стоял у окна и смотрел, как небо сыплет ледяной трухой. То, что падало сверху, таяло на земле, но к вечеру предсказатели обещали легкий мороз и, соответственно, превосходный, качественный гололед.

– Господин Аламар! – спохватившись, Кио отвесил вполне профессиональный поклон.

Нирс-старший так и не признал в нем сына, а потому Кио был просто сыном рабыни. Аламар как-то предлагал ему уйти, но идти Кио было некуда. Разве что в цирк, с его-то экзотической внешностью: от Ньями он унаследовал смуглую, с медным оттенком, кожу, и гладкие темные волосы, которые заплетал в косу, а вот глаза достались от отца, светло-серые, яркие, как и у самого Аламара.

– Ну, всем доброго утра, – пробормотал верховный инквизитор Рехши, – Кио, не топчись там, садись. И ты, Ньями, разливай, что там у тебя сегодня... садись с нами.

– Рагу овощное, господин Аламар, – на тарелку ляпнулась коричневатая субстанция, в которой Аламар смог распознать кусочки моркови и фасоль.

– Отлично, – сказал он, – рагу так рагу.

– И лимонные пирожки к чаю, – добавила Ньями.

– Прекрасно, прекрасно, – рассеянно прокомментировал он, мешая ложкой в тарелке.

Стряпала Ньями превосходно. Даже в тех случаях, когда внешне еда выглядела подозрительно, вкус оставался божественным. Ньями не была виновата в том, что для Аламара все отдавало горечью и каталось на языке сухим пеплом.

– Что тут у вас хорошего случилось, пока я на службе был? – поинтересовался он между делом.

– Приходил посыльный от графа Эверси, просил передать приглашение на бал.

– Да неужели...

Ньями тоже села за стол и теперь степенно ела, отправляя в рот ложку за ложкой.

Аламару же кусок в горло не шел. Всюду была горечь. А еще – отголоски воплей казненной герцогини. Как назло, подул ветер, и прямо в Аламара швырнуло невесомым пеплом. Он давно уже не был сентиментален, и уж конечно, совершенно не боялся сожженных им же людей, но все равно неприятно.

– Вот письмо, – сказал Кио, подавая тонкий розовый конверт.

Аламар молча надорвал его, достал сложенный вдвое листок бумаги. По столовой поплыл сложный аромат дорогих духов.

– Многоуважаемый господин Нирс! Послезавтра будем несказанно рады видеть вас на балу в честь девятнадцатилетия нашей Бьянки, – прочел он вслух и хмыкнул.

Ну надо же. Эверси никак не желал оставить затею выдать за него свою младшую. Ему иной раз хотелось поинтересоваться у самой Бьянки, а что она думает по этому поводу. Каково это, когда родной батюшка жаждет отдать тебя на растерзание полубезумному чудовищу?

– Жениться вам надо, господин Аламар, – с легкой укоризной в голосе сказала Ньями, – пять лет уже прошло. У вас еще будут дети, и дом оживет.

– Ньями, я тебя забыл спросить о том, надо или не надо мне жениться, – процедил он и тут же застыдился. Все же Ньями была ему почти как мать. Да что там, проводила с ним времени куда больше, чем родительница.

– Если это письмо от графа Эверси, то его дочь Бьянка – отличная девушка, – не обращая внимания на его ответ, продолжила Ньями, – она молодая и здоровая, и может нарожать вам кучу таких же здоровых детишек.

– Возможно, – он пожал плечами и отставил рагу, – однако, милая Ньями, я терпеть не могу, когда мне что-то или кого-то навязывают.

Хотел попросить у нянюшки чаю, но потом подумал и поднялся сам. И тут совершил оплошность, схватив изогнутую белую ручку чайника левой рукой. Раздался жалобный хруст, и чайник упал на стол, заливая заваркой белоснежную скатерть.

– Ох, – только и выдохнул Аламар.

Очень часто он не мог рассчитать, с какой силой сжимать механические пальцы. Как результат – раздавленные бокалы, оторванные куски мебели. Ну и вот, последняя жертва, чайник.

– Ничего, ничего, – засуетилась Ньями, – не обращайтесь внимания, господин Аламар. Это все... мелочи.

– Да, мелочи.

Он взглянул на Кио, опасаясь увидеть на смуглом его лице намек на насмешку, но не увидел ничего, кроме искреннего сострадания.

– Простите, – сказал Аламар, – мне... нужно отдохнуть. Кио, проследи, чтоб я проснулся в половину двенадцатого. Мне во дворец надо.

Аламар лежал на узорчатом покрывале, свернувшись калачиком, подтянув к груди колени. Тяжелую механическую руку он вытянул к краю кровати. Металл тускло блестел, вместе с каждым ударом сердца по протезу скользили голубоватые блики, как будто омывая его полупрозрачной дымкой. Это была магия конструкторов. Именно она позволила почти идеально срастить сплав нескольких металлов и живое тело, заставить искусственные пальцы шевелиться по велению воли. Не быть калекой...

А в душе сухой гнал пепел.

Пять лет прошло с того момента, когда подчинившиеся скрытому менталисту механоиды устроили самый настоящий бунт. Пять лет... как полыхал пожар в особняке, а обугленное сердце было выдрано с ошметками мяса из груди и навсегда осталось в том крыле, где так и не вставили стекла. Это ведь он сам поджег здание, когда увидел, что металлическая лапа раздавила Элизу и крошечного Мариуса. Он надеялся, что все они сгорят, и сам он умрет в огне, чтобы ничего больше не чувствовать. Но нет, не удалось. Вытащили из огня, и долго таскали по пустынной улице, играли, как кошка с полужадушенной мышью. А потом пришла ведьма и одним движением тонкой руки заставила механоидов убраться. Она тоже оказалась менталистом...

Аламар лежал, шурился на латунную ручку двери. Накатывало горькое осознание того, что уснуть уже не удастся. Красивые часы в деревянном корпусе уже показывали одиннадцать. Скоро появится Кио и начнет будить, мягко прикасаясь к плечу.

А ему все кажется, что не Кио войдет в дверь, а прекрасная Эльза. Время не стерло ее облик, Аламар помнил каждую черточку. Она слегка располнела, родив Мариуса, и оттого стала еще краше. Румянец на щеках, смеющиеся голубые глаза в шелке ресниц. Сочные губы, вкус которых напоминал нагретые солнцем спелые черешни...

И ничего не осталось. Ни-че-го. Он один, словно обугленная головешка. Воздух едкий и пахнет пожаром, во рту печет, пепел на зубах и языке...

Исключительно потому, что высокородному мерзавцу надоело сидеть взаперти, и он решил – а попробую-ка я свои силы на непобедимой армии Рехши.

Что ж, попробовал. Очень удачно попробовал, поначалу никто так и не понял, почему вдруг армия механоидов отказалась признавать власть короля и начала крушить все, что поворачивалось под руку. Но Аламар Нирс тоже не лыком шит. Копал пять лет, пока не добыл доказательства, не зафиксировал магические следы. Надо было видеть, как сокрушался король, пока слушал доклад Аламара. Как же так, возлюбленного сына – и казнить? Нет-нет, это невозможно, королевская кровь так редка нынче. Пусть посидит в изгнании, авось поумнеет.

«Пусть посидит, – согласился Аламар, а про себя добавил, – авось, сдохнет на том острове. Долго там еще никто не протянул».

Латунная ручка дрогнула, проворачиваясь, и Аламар невольно подобрался.

Вот, сейчас... Синее домашнее платье, белый кружевной воротничок, водопад золотых выющихся волос. Эльза.

Внутри ловко проскользнул Кио и, встретившись взглядом с хозяином, лишь укоризненно цокнул языком.

– Вы так и не отдохнули, мастер.

– У Всеблагого за пазухой отдохну, – Аламар с усмешкой ткнул пальцем куда-то в потолок, – что ж, пора собираться.

...Сборы были недолгими.

Он вышел на крыльцо, постоял немного, вдыхая влажный и холодный воздух. Труха с неба больше не сыпалась, теперь это был просто небольшой дождик.

«Если ночью приморозит, надо будет запретить Ньями идти на рынок, – думал он отстраненно, – поганая нынче зима выдалась».

И вспомнил, как мечтал лепить снежную бабу с Мариусом.

Что ж, не вышло.

Приметив карету, Аламар прошагал весь путь обратно к калитке, кивнул вознице и забрался в темное нутро, на мягкий кожаный диван. Смотреть на город не хотелось совершенно, поэтому он плотнее задернул шторы и откинул голову. О том, чтобы задремать, речи не было: от того, как потряхивало на мостовой, зубы клацали. Какой уж тут сон.

Следующей остановкой был королевский дворец.

Аламар подъехал к парадному подъезду, выбрался на алую ковровую дорожку. Удовлетворенно хмыкнул, глядя, как шарахнулись от него лакеи. Все же выбор маски оказался верным. Зачем ему жалость? Пусть боятся. Вообще, верховный инквизитор должен внушать неодолимый ужас, и не только магам без регистрации.

Он уверенно поднялся по лестнице, а затем направился в кабинет его величества Маттиаса Третьего из династии Фаблур. Двери, покрытые великолепной резьбой, распахивались одна за другой, лакеи низко кланялись – и так ровно до тех пор, пока не очутился перед королем Рехши.

– Ваше величество...

– А, вы... ну, что ж, проходите, проходите... сейчас вот, освобожусь, и переговорим.

Аламар спокойно стал в углу и принялся наблюдать за королем.

В голове наконец воцарилась легкая и прохладная темнота. Все лучше, чем каша из пепла, крови и бесконечных «а вот если бы я».

Король Маттиас был немолод, но весьма бодр, наверное, исключительно благодаря своему субтильному телосложению. Худой, в неизменном каштановом парике на лысой голове, шустрый и подвижный как таракан, он выглядел так, словно собирался прожить еще три человеческих жизни. Он все ходил вокруг нового механоида, довольно цокал языком, пытался, поднимаясь на цыпочки, заглянуть неподвижному механоиду в рот и пощупать клыки.

– Ваше величество, не стоит, – спокойно прокомментировал Аламар, за что удосужился насмешливого взгляда.

– Бросьте, мастер Нирс. Он совершенно неподвижен. Не заряжен. Только с утра привезли новый образец.

– Значит, герцогине нашлась замена?

– Ну конечно, мой дорогой. Не бывает такого, чтоб человек был абсолютно незаменим. И потом, неужели вы могли подумать, что я отдам вам герцогиню, не думая о последствиях? Если бы она была одна такая, вы бы ее, мой хороший, никогда бы не получили.

Аламар услышал скрежет собственных зубов.

Ну, конечно! А он, идиот, уже размышлял, что король проникся его горем и хочет поспособствовать поимке и наказанию всех зачинщиков бунта...

Тем временем король Маттиас продолжал осмотр нового солдата своей непобедимой армии. Механоид донельзя походил на гориллу, только прямоходячую, и был от макушки до пят покрыт деревянными чешуйками. Лицо... если, конечно, это можно назвать лицом, тоже было вполне себе обезьянье, с выдающимися вперед мощными челюстями и вылезшими из-под чешуек остро заточенными клыками.

– Новая модель, – похвалил Маттиас, оглядываясь на инквизитора, – по словам конструктора, непобедим на поле боя.

– Не вижу вооружения, – скептически отметил Аламар.

– В самом деле, – король пожал узкими плечами, – что ж, надо посмотреть...

И, мурлыча под нос легкомысленный мотивчик, направился к резному бюро.

Он извлек оттуда плоский ящик из дубовых дощечек, повернулся, поставил его на письменный стол и сдвинул крышку. Кабинет озарился тусклым голубоватым свечением: там, каждый в своем гнезде из ветоши, лежали крупные кристаллы, каждый размером не меньше куриного яйца. Аламар прищурился: часть кристаллов все же оказалась зеленоватого оттенка, что, впрочем, было совершенно правильно.

– Лациум, – задумчиво проговорил Маттиас, – основа нашей полной независимости. Если найдут еще один источник где-нибудь на континенте, мы быстренько станем нищими. Будем просить подаяния у соседусшек.

– Лациум – дар последних айхи, – эхом отозвался Аламар, – они любили острова, ваше величество. Если где и оставили лациум, то только здесь.

Маттиас осторожно взял голубой камень, сжал его в руках, словно хотел оставить отпечаток ладоней, затем повернулся к механоиду.

– Ты понял, зачем его в дерево одели, а?

– Вероятно, чтобы меньше ржавел, ваше величество...

– Именно так.

Тонкие пальцы короля пошарили по груди механоида, затем он ловко отвинтил маленький лючок. Обернулся и весело подмигнул:

– Ну, что, мастер Аламар? Вдохнем жизнь в это тело?

Он лишь плечами пожал.

Не видел ровным счетом ничего интересного или хорошего в том, чтобы засунуть лациум с наложенной печатью во внутренности механоида. К тому же, главную роль все равно играл тот кристалл, что еще предстоит установить в голову: именно он в большей мере отвечал за то, что механоид не только осознавал себя, но и понимал, кому должен служить.

Маттиас быстро вложил камень в грудь существу. Что-то защелкало, заскрежетало внутри, и механоид открыл глаза. Аламара передернуло. Глаза механоидам изготавливали из драгоценных камней, вроде как для улучшенного преломления света. Этому поставили рубины. И в тот миг, когда Аламар поймал совершенно неразумный и, по большому счету, неживой взгляд, внутри заворчалось нехорошее ощущение, что все они сидят на бочке с порохом и играют в войнушки. Взгляд механоида медленно перемещался с Аламара на короля, а инквизитору начало мерещиться, что на самом деле механоид превосходно понимал, кто он и где находится, и просто выжидал время до того момента, как одним ударом могучей лапы свернет шею тщедушному человечку.

– Ну разве он не великолепен? – пропел король и, не обращая внимания на механоида, что стоял и бешено вращал кровавыми глазищами, достал из шкатулки зеленоватый камень. На некоторое время сжал его в ладонях, затем поднес ко лбу и пробормотал формулу подчинения. Обошел механоида, и, точно также нащупав лючок у основания плоского затылка, вложил камень и туда.

Механоид вздрогнул. По крупному, мощному телу прошла короткая судорога.

И, тихо шурша чешуйками, опустился перед королем на колени.

– Вот видите, Аламар, – его величество воинственно сверкнул глазами, – они все послушны, никакой опасности нет.

– Ровно до тех пор, пока сын ваш сидит в замке Энц, – Аламар просто не мог удержаться от ядовитого замечания.

Покосился на механоида. Мощное и столь же уродливое создание стояло совершенно спокойно, только взгляд сделался нечеловечески пронзительным.

– Ну, или пока не появился откуда-нибудь другой сильный менталист, одержимый дурацкими идеями всеобщего равенства. Так ведь, мой хороший?

Последнее было сказано уже механоиду.

Рубиновые глаза опасно пыхнули.

– Где... я?

Голос напоминал скрежет плохо смазанных шестеренок.

– Ты во дворце, перед своим господином, – твердо сказал король.

– Да... я...

Существо помотало головой. Чешуйки тихо шелестели, терлись друг о друга.

«Прямо шишка еловая», – решил Аламар.

Он не вмешивался, ждал, что будет дальше.

Механоид продолжал медленно осматриваться. Посмотрел на Аламара, отчего тот поежился: вспомнил, как трепали его, раздирая на части. Только конченные идиоты могут желать свободы механоидам. Потом существо перевело взгляд на короля. Механоид подался было вперед, но тут же медленно осел назад, снова опустился на колени так, как будто его ставила в позу покорности некая высшая сила.

Аламар знал, что это.

Всего лишь личная печать владельца, оставленная на кристаллах лациума.

– Покажи нам свое оружие, – сказал король.

Шварк!

Маттиас едва успел отскочить, когда механоид буквально ошетинился остро заточенными дисками. Они вылезли из щелей на груди, на спине и даже из толстых рук. Опасно сверкнули лезвиями.

– Ох ты, – пробормотал Маттиас, – нет, вы видели, мастер Аламар? Ну разве он не прекрасный солдат?

Аламар сдержанно кивнул.

Он... как бы это помягче... не разделял восторгов короля по поводу нового солдата. Он вообще механоидов не любил.

– Убери, – скомандовал Маттиас, и лезвия с шорохом скользнули в пазы.

– Великое искусство, создавать таких вот, – сказал король, – ну что ж, солдат, иди. Спустишься вниз, там тебя встретят и отведут в казармы.

– Но... – робко заметил механоид.

– Солдатам не положено разговаривать, – сказал Маттиас, – а чтобы ты лучше запомнил, я тебя накажу.

И достал хлыст.

Аламар сонно считал.

Пять. Десять. Пятнадцать.

Механоид коротко вздрагивал под ударами, и Аламар знал, что ему больно.

Они чувствовали боль.

Визжали, ревели, когда он жег их своим Даром пироманта. И при этом шли вперед.

Они... чувствовали и, хоть убого, но мыслили. И теряли свободу воли. Не могли сопротивляться приказам того, чья печать на кристалле...

Потом хлыст сломался, механоид перестал вздрагивать. Король дышал шумно, словно только что обежал вокруг дворца. Промакнул кружевным платком выступившие на лбу бисерины пота.

– Пошел отсюда, – процедил Маттиас, – вон. В казарму.

Существо поднялось с колен и молча побрело по направлению к двери. За ним стелился след из опадающих, сломанных во время экзекуции чешуек. Уже в пороге механоид обернулся и посмотрел на Аламара. В рубиновых глазах полыхала жгучая ненависть.

«А потом мы удивляемся, отчего они на всех бросаются, освобождаясь от печати», – подумал инквизитор.

– Я хочу поговорить о сыне, – сказал Маттиас, как только дверь закрылась, – надеюсь, ты разместил его со всеми подобающими удобствами?

– Разумеется, ваше величество...

– Ты лживый сукин сын, – прорычал король, отбрасывая обломки хлыста, – прячешь свою рожу искореженную за маской и думаешь, будто я тебя не вижу... Так мне тебя и видеть не нужно! Сегодня... пришло письмо от него. Он жалуется на дурные условия. Просит прислать еды.

– Его должны неплохо кормить...

– Его кормят всякой дрянью, которую не должен вкушать человек его положения!

– Вашему величеству следует думать о том, чтобы такой сильный менталист, как принц Ксеон, оставался в замке Энц как можно дольше, – твердо сказал Аламар, – а не о том, какую кашу он ест.

– Пусть остается в замке, – согласился король и почесал голову под париком, – но, мастер Аламар, он должен быть там в полном здравии, вот чего я хочу. Честно говоря, мне наплевать на то, что у вас с ним какие-то личные счеты. И знать ничего об этом не хочу. Мне надо, чтобы оба моих сына были живы и здоровы. А ваша задача, Аламар, отлавливать менталистов. Вот он, залог процветания династии. Когда я давал добро на арест Ксеона... возможно, это была ошибка. Возможно, мне следовало просто... поговорить с ним. Запереть, наконец, снова во дворце. Но теперь уже дело сделано. Пусть посидит, подумает.

– Как прикажете, ваше величество, – Аламар поклонился, хотя внутри все клокотало.

– Я сегодня же отправлю Ксеону нормальных продуктов, – продолжил Маттиас, – пусть... будет там, на острове... а вы, мастер Аламар, займитесь обеспечением безопасности моей армии. Все, вы свободны.

И махнул рукой в сторону двери.

Аламар поклонился и вышел.

Сцена с показательной поркой механоида, а затем столь же показательное выступление короля оставили мерзкое послевкусие. И Аламар вдруг подумал, что, если Маттиас вот так же обращался с принцем Ксеоном, держа его взаперти... Что странного в том, что наследник трона учинил бунт? Опробовал свои способности на непобедимой королевской армии?

Аламар вздохнул. Иногда ему казалось, что айхи просто посмеялись над своими наследниками. Не нужно было им возвращаться в глубоких пещерах лациум. И уж тем более не нужно было показывать, как им пользоваться. От этого и все беды. Некоторые думают, что бессердечно вот так обращаться с механоидами, у которых есть разум, но которые не могут себя защитить.

Но если дать рукотворным существам полную свободу, что будет?

Они ведь все равно... неживые. Но при этом думают и чувствуют. И все равно не живые.

«Чушь какая-то», – вяло подумал Аламар, перепрыгивая через ступеньку, скатываясь с широкой мраморной лестницы.

Ему не хотелось находиться здесь – слишком светло и жизнерадостно. Не хотелось возвращаться домой – слишком мрачно и живы воспоминания. Аламару вообще уже ничего не хотелось.

...Но на бал он все же потащился.

С графом Эверси они были добрыми соседями. Время от времени стареющий весельчак приглашал «господина инквизитора» на «пропустить чего-нибудь покрепче». Аламар соглашался, на утро просыпался с гудящей головой, но в неплохом настроении, и каждый раз зарекался туда ходить. На бал, правда, его еще не звали ни разу, и это внушало некоторое беспокойство одновременно с непонятным Аламару лихим весельем. Он представлял себе, как светские дамы и их не менее светские кавалеры будут шархаться от его маски. Губы невольно растягивались в забытую почти улыбку, возвращая к тем временам, когда Аламар Нирс учился в академии и был веселым, не знавшим забот парнем.

Ну что ж, раз так, то он пойдет на бал.

Наверняка будет забавно, в самом деле...

Аламар явился в графский особняк чуть раньше назначенного. Его план был прост: поздороваться с семейством Эверси, вручить подарок их дочери, а потом, подхватив бокал с чем-нибудь освежающим, сесть в темном углу и проводить время там, наблюдая за весельем и танцами.

В особняке заканчивались последние приготовления, прислуга металась по залу перепуганными рыбешками, расставляя на столах закуски. Пахло апельсинами и жареными колбасками. Сам хозяин дома, в превосходно сшитом фраке, стоял на возвышении в конце зала подобно полководцу перед сражением. Едва завидев Аламара, он торопливо скатился вниз, бодро проложив себе путь сквозь снующих туда-сюда служанок с подносами.

– Аламар, дружище! – затряс руку в крепком рукопожатии, – как здорово! А мы уж не надеялись, ответа ведь не получили...

Эверси преданно заглядывал в глаза, его второй подбородок мелко дрожал, а руки явно потели.

«Что-то нужно от меня, – подумал Аламар, отвечая на рукопожатие, – хм, посмотрим».

– Да что же ты стоишь? Проходи, пойдем, пожалуйста, пойдем к столу. Мы возьмем по бокалу «Слезы последней айхи» и прекрасно проведем время! Кстати, супруга моя и дочь, Бьянка.

Они как будто подкрались сзади, и Аламар почувствовал себя в окружении. Противник, оголивший плечи по последней моде, вырядившийся в воздушные кружева и рюши, уверенно брал в осаду.

– Мастер Нирс, – графиня присела в изысканном поклоне, – какая честь для нас, что вы нашли... мм... время посетить наш дом.

Графу Эверси повезло с женой. Амалия слыла не столько умной, сколько мудрой женщиной, закрывала глаза на мелкие шалости супруга и, возможно, именно поэтому их лодка семейной жизни продолжала год за годом уверенно плыть в бушующем море страстей. Помимо этого, Амалия Эверси была еще и женщиной довольно красивой, чем-то напоминала породистую борзую. И взгляд открытый, дружелюбный. Локоны теплого медового оттенка.

Бьянка Эверси внешностью пошла в отца. Не то, чтобы Всеблагий обделил ее красотой, нет. Девушке досталась внешность голубоглазой фарфоровой куклы, очень дорогой куклы: тонкие черты лица, золотые волосы, высокие скулы и пухлые губы. Идеал красоты, казалось бы... но нет. Если мать напоминала породистую борзую, то Бьянка куда более походила на болонку в бантах.

Аламар поймал себя на том, что вот уже несколько минут молча рассматривает семью Эверси и молчит. Спихватился, приложился к ручке графини, почувствовал, как дернулась ее рука в момент соприкосновения с маской.

– Я сражен красотой ваших женщин, Эверси, – сказал он, – вам несказанно повезло.

Потом нырнул пальцами во внутренний карман мундира и извлек подарок.

– Бьянка, это вам.

– О, – губы девушки приоткрылись, обнажая мелкие белоснежные зубы, – я так благодарна...

– Вы еще не посмотрели. Берите же.

Коробочка была небольшой, размером с ладонь, обита темно-бордовым бархатом. Бьянка, затаив дыхание, открыла ее – и не сдержала восхищенного взгласа.

– Что там, милая? – поинтересовалась графиня, – надеюсь, господин верховный инквизитор тебя не слишком балует?

– Там... – выдохнула она, – там...

В уютном бархатном гнездышке спал миниатюрный дракон. Он был выполнен из серебра, и по спине и хвосту, там, где у обычных драконов должен быть гребень, талантливый конструктор пустил ряд крупных изумрудов. Все сочленения казались идеальными, прилегали плотно, словно рыба чешуя. А рядом с ним сверкали граненые шарики лациума.

– Механоид! – воскликнула Бьянка и рассмеялась совершенно по-детски, – Боже, как вам удалось его достать, мастер Нирс? Ведь механоиды... только у короля!

Ее голосок звенел колокольчиком, и Аламар невольно улыбнулся.

Хотя, если долго слушать этот нежный звон, наверняка заболит голова...

Он пожал плечами.

– Не забывайте, милая Бьянка, на какой я должности при его величестве. Мне доступны многие вещи.

Девушка захлопнула коробку, прижала ее к груди.

– Я хочу... я хочу прямо сейчас его оживить. – взгляд ее метнулся к отцу, – вы позволите, папенька?

– Отчего бы нет, хе-хе, – добродушно ответил граф, – только не долго, милая. Скоро гости начнут подтягиваться, и тебе придется принимать и другие подарки.

– А вы? – она взглянула на Аламара, – вы мне поможете? Я не представляю, куда именно вставляются камни.

Он пожал плечами.

Помочь?

Отчего бы нет.

Сам ведь понимал, что граф не сумеет инициировать лациум.

– Пинцет у вас найдется? – осторожно спросил он у графини.

Та сдержанно улыбалась. Весь ее вид говорил о том, что все идет по плану. По какому? Аламар догадывался. Впрочем, чего-то подобного он и ожидал, отправляясь на бал.

– Бьянка, душа моя, пинцет у меня в гостиной, под зеркалом, – сказала женщина.

Бьянка подскочила на месте, крутнулась, подметая белоснежным подолом пол.

– Идемте же, господин Аламар! Вы обещали помочь, помните?

И хитро сощурилась.

Аламар послушно пошел следом за девушкой, чувствуя, как спину буравят взгляды почтенных родителей.

...Они вышли из парадного зала и углубились в дом.

По-прежнему приятно пахло апельсинами, тихо потрескивая, светились магические кристаллы в подставках. Аламар потянул носом. Идущая впереди Бьянка оставляла за собой шлейф изысканного аромата, сложную смесь корицы, ванили и сладких яблок. Она почувствовала его взгляд и передернула плечами.

«Боится. Все же боится. Ну и зачем мне все это?»

– Здесь недалеко, мастер Аламар, – тут же снова зазвенел, запел нежный колокольчик, – матушкина гостиная. Совсем рядом. Вот, за этим поворотом.

– Вы говорите так, словно я до смерти боюсь отлучиться из главного зала и пропустить вальс, – проворчал он.

Бьянка хмыкнула.

– Я подозревала, что вы не танцуете, хотя папенька утверждал обратное.

– Кто будет танцевать с калекой, да еще и с верховным инквизитором? – пожал плечами Аламар, – одна моя рука чего стоит.

– Но ведь все остальное у вас обычное, м?

– Самое что ни на есть, уверяю вас.

– Вот и пришли.

Бьянка повернулась к нему, картинным жестом распахнула двери.

– Прошу!

Все те же магические светильники. Тусклый блеск парчовой обивки. Тяжелые портьеры. И свет угасающего дня за высоким окном.

Аламар огляделся, увидел небольшой стол на витых ножках. Рядом стоял табурет, и он уселся на него. Бьянка поставила перед ним коробку с драконом, а сама отправилась на поиски пинцета.

– Послушайте, – глухо сказала она, – вы ведь понимаете, зачем вас так упорно звал папенька на мой день рождения.

– Вполне, – Аламар положил руки на стол и спокойно ждал продолжения разговора.

Бьянка вернулась с пинцетом.

– Вот, возьмите... Знаете, мне не по душе то, что задумал папенька. Я говорю честно. Это гораздо лучше, чем потом, мстя нелюбимому мужу, спутаться с красавцем-конюхом.

– Конечно, лучше. Вы удивительно здраво мыслите, дорогая Бьянка. А теперь возьмите в руку вот этот, голубой кристалл и подержите немного.

– Но, возможно, все не так уж плохо? Возможно, вы будете прекрасным мужем и отцом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.